

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА



**ИВАН  
ЦУПРИКОВ**



**САЛАМ,  
БАЧА!**

Миссия выполнима

Иван Цуприков

**Салам, бача!**

«ВЕЧЕ»

2022

**Цуприков И. В.**

Салам, бача! / И. В. Цуприков — «ВЕЧЕ», 2022 — (Миссия выполняема)

ISBN 978-5-4484-8780-4

Война в Афганистане. Свистят над головой душманские пули, на дорогах подстерегают засады и мины, в горах рыщет враг, а в рядах Советской армии процветает дедовщина. Смерть ждет повсюду, и, вернувшись живым после выполнения опасного задания, можно погибнуть от рук своих же сослуживцев. Командир группы снайперов пробует решить проблему неуставных отношений в своем подразделении, но многое неподвластно даже ему. События, описанные в книге, не вымышлены и происходили на самом деле.

ISBN 978-5-4484-8780-4

© Цуприков И. В., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

## Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

# Иван Цуприков Салам, бача!



© Цуприков И.В., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства [www.veche.ru](http://www.veche.ru)

**Салам, бача!<sup>1</sup>**

---

<sup>1</sup> «Привет, браток!» – вид приветствия, распространенный среди ветеранов афганской войны.

## Глава 1

### Допрос

#### 1

Виктор следил за грязной, испачканной то ли в золе, то ли в копоти, ладонью молодого следователя. Тот с дрожанием зажатой в пальцах ручкой выводил на сером листе карманного блокнота буковки, больше похожие на какие-то китайские иероглифы.

– Д-далее расскажи-те, – посмотрев на Баталова светло-серыми глазами, теряющимися в темном прищуре, прошептал тот.

«Видно, тоже парню досталось? – вдохнув в себя горячий воздух афганского июня, подумал старший лейтенант и, вытерев пот со лба рукавом, посмотрел на темно-коричневое лицо молодого человека, ведущего у него допрос. – Контузило, а теперь герой, готов рвать всех на части!» – стиснув зубы, не утаивая ненависти на лице, думал Баталов.

И немножко выждав, пытаясь хоть на чуть-чуть уgomонить свои нервы, спросил:

– А что еще говорить вам, лейтенант?

– Соз-зда-ся впеш-щатлени, шо вы мне сощина-те! – лейтенант с трудом говорил, глотая часть слов, и нервничал, а когда пытался что-то сказать, сильно повышал голос. Почему он так вел себя, понятно: контузия на некоторое время делает человека глухим, и поэтому он говорит громко, чтобы расслышать свою речь.

Но сознание Баталова сопротивлялось этим мыслям, призывающим его к снисхождению к лейтенанту. Нет, оно все видело по-другому, его издевательскую мимику на лице – пышущую якобы ненавистью, отвращением и презрением. И это понятно, молодому лейтенанту захотелось поживиться новым делом, и если оно таковым даже не является, то и кролику можно прикрепить рога с волчьей пастью и сделать его страшным хищником. А на войне чего только не бывает, даже проявленный героизм можно назвать трусостью. Все зависит от человека, ведущего дело. Дело! Или – дело?

– Ну, как хотите. – Баталов, достав из кармана пачку «Охотничьих» сигарет, вставив недокурный бычок в сухие потрескавшиеся губы, чиркнул спичкой, прикурил и глубоко затянулся. Было о чем подумать: «И что ж там тебе, лейтеха, про меня наговорили, а? На тюрму или высшую меру?» Закашлялся.

– Ижжвини-тЕ, – приложив под каску ладонь левой руки, лейтенант в сером, с пятнами то ли от масла, то ли от пота, комбинезоне, опустил голову и некоторое время молчал.

По его лицу бороздками течет пот, преломляющийся в солнечных лучах в розовый и желто-белые оттенки.

– Так каску бы сняли, здесь же не стреляют, лейтенант! – невольно прошептал Баталов. – Да и жара невыносимая.

– Не-не-нЕ, – помотал тот головой и, опустив ладонь на ящик из-под снарядов, взял ручку и поднес ее к блокноту. – Продолж-жайте, пож-жАлста.

«Легко сказать, продолжайте рассказывать, – задумался Баталов. – Три дня просидели в дозоре. Если бы не приказ по рации сворачиваться, то все было бы по-другому, не духи нас, а мы бы их накрыли. А ведь чувствовал, чувствовал, что не нужно было торопиться. Хорошо, вторая группа не пошла за нами впритык, а с разницей в полчаса. Как чувствовал...»

– Г-говорыт-ТЭ, – повысил голос следователь.

– А что вам говорить-то, а? – еле слышно спросил старший лейтенант. – То, что духи оказались над нами и открыли огонь? Так я уже об этом вам рассказывал, товарищ, или как

уже вас называть – гражданин лейтенант? – Сплюнув горько-кислый табак, продолжил: – А, значит, чтобы быть хорошеньким для вас, нужно было лезть к духам наверх под расстрел? Так? – раздавив в кулаке пачку сигарет, встал Баталов. – Да?

– Н-не понял ва-Ас? – на лице лейтенанта надменную ухмылку сменила злость. По желвакам видно, что сильно напряг мышцы скул. – Нэ кричИ-тЕ! – И попытался встать, но что-то помешало ему это сделать и, приподнявшись наполовину, плюхнулся назад.

Видно, сильная контузия у человека, что и равновесие потерял.

И Баталов снова погасил в себе новую волну желания «размазать» по лицу следователя сжатую в кулаке пачку из-под сигарет.

– А что понять вам надо-то, прокурор? Что?

Из медсанбатовской палатки вышел высокий мужчина в белом халате и со злостью начал кричать:

– Да что за балаган вы здесь устроили, товарищи офицеры? Еще подеритесь! А ну, идите отсюда! Здесь медсанчасть все-таки, а не казарма. Полевой госпиталь!

Виктор, глянув на врача, приложив ладонь к сердцу, сказал:

– Извините, пожалуйста, доктор. Допрашивает меня товарищ из прокуратуры.

– Кто, этот, что ли, из прокуратуры? – удивился врач. – Эй, как вас там? – посмотрел он на лейтенанта и, подойдя к нему ближе, продолжил: – Живы его солдаты, так и запишите. Вовремя доставил он своих раненых к нам. Понятно говорю?

– Н-не мешА-те! – со злостью посмотрел на врача следователь.

– Вот это дела! – Выпрямился во весь свой почти двухметровый рост врач. – Ну, смотрите, блин, не выдержу. – И по-боксерски приблизив кулак к своему лицу, напряг его с громким хрустом в пальцах. – Понятно говорю? Здесь полевой госпиталь, а не балаган! – И резко развернувшись к лейтенанту спиной, вернулся в палатку.

Баталов, не зная, что сказать, растерянно смотрел то на прокурора, то на уходящего врача.

– Продолж-жА-тЕ! – в голосе лейтенанта появилась жесткость.

Баталов сел на камень и смотрел себе под ноги, на мелкие пластинки скальной осыпи, перемешанные с песком, размышлял: «Вот тебе и лейтенант! Звание – пшик, а гонора-то, как у нашего чекиста. Что же я сделал там такого, лейтеха, что с такой надменностью допрашиваешь?»

– Продолж-жА-те, – съязвил Баталов. – Вам все повторить? – И что-то сжалось внутри груди, как бы не сердце. Через несколько секунд камень стал оттаивать, появилась возможность глотнуть воздуха. Не вдохнуть, а глотнуть, а вот протолкнуть его внутрь, нет, сил не хватало.

– Дэ-д-даше!

«Фу, отпустило». Воздух пошел внутрь через нос, и спазм отступил, освобождая глотку. Баталов несколько расслабился, аж повело, словно спирта неразбавленного много глотнул. «Фу».

– Когда мы спускались со скалы, по нам сверху душманы открыли огонь, – глотнув слюну, посмотрел на лейтенанта разведчик.

– Г-г-ромчЕ! – срывает голос прокурор.

– Короче, я приказал своим прижаться к скале. Другого выхода не было, лейтенант! Сверху по нам стреляют, нужна мертвая зона, другого выхода нет! Но тогда закидают гранатами. Слышишь, лейтенант?

Сзади железо о камни стукнуло. Серегин, ефрейтор, как вкопанный стоит и смотрит глазами такими! – глядя на песок под ногами, Баталов его не видел, а только расширенные глаза своего ефрейтора.

– Это автомат он выронил, лейтенант, слышишь?

Кричу ему: «Ко мне, боец!» А он как статуя, по-ни-ма-ешь-те, лейтенант? Сразу и не понял, что он ранен. – И, глубоко вздохнув, Баталов продолжил: – До младшего сержанта

Ивакова это быстрее дошло, что Серегин ранен. – Голос старшего лейтенанта дрогнул. Ерзая серыми кроссовками по камням, он продолжил рассказ: – Тот кинулся к нему, схватил и потащил его к стене. Слышу, джинь, такой звук, пуля в каску младшего сержанта попала. Он завалился вместе с ефрейтором. Ухватил его за плечи, притянул к стене, потом – Серегина, – и замолчал.

– Да-лше, – сморщившись, ухватился рукой за каску лейтенант.

– Духи по нам стреляют, а мы – в небо, получается. От стенки отойдешь, пуля в голову, и – все. Кому это надо, а, лейтенант? Потом одного из них, ну душмана, тело грохнулось, чуть не задело меня. Кому-то из наших, получается, удалось этого душмана завалить.

Потом второй их моджахед нам под ноги грохнулся. Граната рядом со мною упала, к счастью, те забыли снять с нее чеку, а то бы...

– Нэ-ша граната? – поднял голову и посмотрел на Баталова лейтенант.

– Та не наша, хоть и «эргэдэшка», мы такие не таскаем с собою, а «эфки» в основном, – помотал головой Баталов. – Ясное дело, что духовская это была граната. Да я ее сразу и не заметил. Исаев, боец мой, увидел и упал на нее, накрыв собою. Герой! Я без шуток, лейтенант! К ордену представляю его, обязательно, к ордену!

Сначала я подумал, что он ранен. Выскочил вперед на метра два от скалы и начал палить вверх, чтобы этого бойца прикрыть. Ору ему, сучку этому! А он лежит. Ухватил его за ворот и – к стене. Оказывается, у него та граната духовская в руках зажата была, к счастью, не с сорванной чекой, как я уже говорил. – И, переждав какое-то время, собираясь с мыслями, Баталов продолжил. – Была одна надежда, лейтенант, за нами спускалась группа моего заместителя сержанта Спелова. Леонидом его зовут. Сначала думал, что они и должны были этих духов накрыть.

Но, судя по тому, как душманы вели по нам огонь, я понял, что душманы об их присутствии не знали. И мне только и оставалось, что ждать этого момента, отвлекая внимание моджахедов на себя. Понимаете? Мы спускались с той группой с разницей, как я вам говорил, по времени в полчаса.

– Дэ-даше.

– Даше, даше, – передразнил следователя Баталов. – Ну, Рыжий, то есть тот самый Исаев Володя, который гранату собою закрыл, он первую помощь бойцам оказал. Он медбрат. Кровь остановил у Егорова. Пуля, к счастью, пробив бронежилет, вкось пошла, не в грудь, а в руку, через мышцы, насквозь, навывлет.

А у того бойца, у которого каска слетела, ну, в смысле – у младшего сержанта Ивакова, то пуля каску сбила и кожу на затылке порвала. Ему Исаев голову перебинтовал.

Короче, огонь прекратился. Около минуты тишина. То, что наши к душманам с тыла зашли и их уничтожили, у меня в голове как-то не складывалось. Слышу сверху стоны. Понимаете, огонь по нам они прекратили вести. Что делать? – Баталов посмотрел на лейтенанта, продолжающего что-то записывать. И замолчал, наблюдая за ним.

– Дэ-даше, не м-мошит-та, – напомнил старшему лейтенанту Баталову следователь, не отрываясь от записей в блокноте.

– Слышу, сверху меня окликнули. Это голос сержанта того, что я говорил, Лени Спелова, который старшим второй группы моего взвода был. Спрашиваю у него, все нормально? Тот говорит да, пять душманов мертвы, больше никого. Вот и все.

– Он-ны их убил? – следователь поднял глаза на Баталова.

Баталов, глядя на него, пожал плечами:

– Нет. Сам не понимаю, кто их положил, этих душманов. Сержант Спелов сказал, что не они их убили. Когда душманы появились на выступе и открыли по нам огонь, у них положение было не лучше, чем у нас. Спуск со скалы на том участке был почти вертикальным. Бойцам, спускавшимся по ней, только и оставалось, что замереть и наблюдать за ходом боя. Они висели



на скале, понимаете, цепляясь руками и ногами за выступы. Другого выхода у них не было. Не бы-ло! Духи могли с ними разобраться в два счета, как и с нами.

Так что до сих пор не пойму, кто расстрелял тех душманов. Сами друг друга поубивали, что ли? – пожал плечами Баталов.

– В-врат-те! – выпалил следователь.

– Я только одного не пойму, зачем вам, военной прокуратуре, это нужно, а? Что, получается, мы должны были этих моджахедов не убивать, что ли? – посмотрел на следователя Баталов.

– К-кака прок-ктура? – теперь на него с удивлением смотрел лейтенант. – Г-глупост га-га-те, – прижимая ладонь к виску, прошептал тот. – Ка-камандыр в-вас г-герой наз-зва. Я кор-р-р-дент, газззз-зе-та.

– Еклмн! – вскочил ошарашенный этой новостью Баталов. – Вот тебе и баба с возу! Статью о нас написать, говоришь? Да вы что, еклмн?.. – И начал по сторонам кого-то искать. – Ну, шутки, блин, у вас, товарищ майор Беленков, – сплюнул Баталов. – Допрос, прокуратура. Ну, съездил по уху Исаеву, чтобы не лез поперек батьки на гранаты. Сучок! Так что, за это трибунал, что ли? Е-кэ-лэ-мэ-нэ!

Баталов сел на лежавшее у палатки колесо от БТРа и замотал головой.

– Так, вы ж был-л ок-кружен. Кого из боцов наг-г-града? – смотрит в глаза старшего лейтенанта корреспондент.

– А знаешь, лейтеха, а не пошел бы ты, а? – отмахнулся от него Виктор. – Я ж сказал, младший сержант Константин Иваков и рядовой Исаев. – И, заметив, что лейтенант держит свой блокнот в сжатом кулаке, ткнул в него рукой, словно напоминая ему, куда нужно записывать.

И тот, поняв это, стал под диктовку Баталова записывать:

– Младший сержант Костя Иваков под обстрелом душманов выдвинулся к раненому пулеметчику ефрейтору Серегину Михаилу и вытащил его из-под обстрела. И был ранен....

Вдруг лейтенант стал подниматься, пытаясь отдать кому-то честь.

– Спокойно, спокойно, – услышав чей-то голос за спиной, поднялся и Баталов. Это был начальник политотдела подполковник Савицкий. – Все-все, ребята. – Тот, ухватив Баталова за локоть, опуская его руку, шепотом спросил: – Вы все рассказали лейтенанту?

– Так точно!

– Молодец! – И, посмотрев на корреспондента, обратился к нему: – Сейчас вертолет будет, вы, Семенов, с ранеными бойцами в Кабул полетите.

– Н-нет, т-тооварищ подпо-полковник, разрешит-та оста-са. Зэ-завтра бой, а мне нужно... – Лейтенанта начало трясти.

– Нет! – повысил голос подполковник. – Вы, лейтенант, контуженый, вы мне нужны здоровым! Понятно? Капитан? Капитан, – обернувшись, позвал кого-то подполковник. Им оказался тот самый медик-великан, просивший пять минут назад уgomониться Баталова с допрашиваемым его лейтенантом. – Посмотрите его.

Великан, аккуратно сняв с головы лейтенанта каску, осмотрел его забинтованную голову.

– Товарищ подполковник, пусть лучше его там, в медсанчасти, осмотрят. Контузия средняя, слаб, свежих потеков крови на бинтах нет. Посмотрите на мой палец. – И немножко подняв его и поведя в сторону, стал смотреть лейтенанту в глаза, а потом шепотом спросил: – Как слух? Хорошо слышите, лейтенант?

– Што говори-т-т, по-пово-вторит! М-можно я ос-станусь? – Он умолительно смотрит на медика.

Баталов, присвистнув про себя, поднявшись, начал пятиться назад, чтобы не мешать врачу, осматривавшему раненого. И, взглядом, попросив разрешения у подполковника, направился к своему подразделению.

## 2

Мысль о недосказанности о храбрости своих солдат не отягощала Баталова. Наградные листы он оформит позже, после боевой операции. Это не проблема. И стыда за свой испуг, приняв эту встречу с лейтенантом за допрос, у него не было. Это с ним уже происходило, и не раз, когда переступал черту недозволенного. Как и сейчас, подставив свою и вторую группу, спускавшуюся за ними, душманам под чистый расстрел.

Как это можно назвать? Бестолковостью командира? А по-другому и не скажешь.

Да еще и младший сержант Иваков подлил масло в огонь, показывая ему с майором Беленковым дыру в своей каске, мол, по ним вели огонь не только эти душманы. А майор на меня, как баран на новые ворота: «А ты куда смотрел? Что своих бойцов от одних духов спрятал, а другим выставил в рост, как в тире?»

Да, видно, что в последнее время тучи над Баталовым начинали сгущаться. Эта мысль в его сознании закрепилась уже месяц назад и пустила в нем свои разрушающие корни.

В апреле три раза он со своей группой возвращался пустым с осмотров крупных караванов. И не потому, что они были чистыми. Наоборот вооруженными, как говорится, до зубов. Это он понимал, когда его группа в очередной раз была окружена моджахедами и каждый из его бойцов был под их прицелом. И уходили моджахеды тихо, продолжая сопровождать свой караван, а Баталов по возвращении в часть молчал. И бойцы – тоже. Цену жизни знали: не раз провожали свой очередной «двухсотый» на борт самолета в последний путь.

Первый удар под дых ему нанес главный разведчик две недели назад при разборе очередных «полетов» его взвода. И имя этому удару – несоответствие должности. Да на его месте Баталов так же бы оценил свои последние выходы. Столько профукал из-за своей... трусости? Нет, нерасторопности или... А что или?

Если вспомнить два последних майских выхода. На первом, когда вышли на группу душманов с гранатометом или переносным зенитно-ракетным комплексом. Какое из этого оружия у них было, трудно определить, расстояние до них было большим. Но они видели моджахеда, стоявшего на вершине горы и целящегося в самолет, взлетевший из аэропорта. Тогда времени на раздумье не было. Вся группа открыла по душману огонь. Выстрел по этому стрелку гранатометчика Алексея Сидорцева был точным. Самолет пролетел, душман убит, оружие свое выронил, и покатилося оно по камням, падая со скалы. В ответ душманы по его группе открыли беспорядочный огонь, что не позволило Баталову добыть тот самый ПЗРК или гранатомет.

Второй случай был не менее интересным. Обнаружили небольшой пикап «тойота», едущий по горной дороге с Пагмана в сторону Кабула. Два афганца, стоявших в кузове, накрывали тряпкой миномет. Сидорцеву (гранатометчику) удалось только со второго выстрела уничтожить набирающую скорость машину. Не подкачал парень.

Но добыча досталась не им, а царандоевскому патрулю (афганской милиции), появившемуся на дороге минут через пятнадцать – двадцать после уничтожения «тойоты». На этом участке спуск со скалы был тяжелым для группы Баталова, так что добраться первыми до разбитой машины им не удалось.

Подъехавшие к тому грузовичку афганцы, увидев приближающихся к ним шурави, вскинули автоматы. Уговоры переводчика таджика Малика Туроба на них не подействовали. Кто первый, тот и молодец. Царандоевцы душманский миномет посчитали своей добычей.

А майор Беленков воспринял доклад Баталова очередной его сказкой.

3

– Виктор Сергеевич, вас можно попросить остановиться? – раздался чей-то тихий мужской голос.

Холодный пот побежал по разгоряченному телу Баталова. Так обратиться к нему могли только люди из особого отдела (Комитета государственной безопасности), что происходило уже не раз. А это значит...

Он остановился и посмотрел на стоявшего у вездехода ГАЗ-66 с кунгом молодого офицера. Человек среднего роста, по возрасту – лет двадцати пяти – тридцати, без погон.

– Капитан Воронцов, особый отдел, – представился он. – Прошу вас пройти со мной. – И показал рукой в сторону машины. – Ивлев, – обратился он к солдату, стоявшему с автоматом у автомобиля. – Мы заняты, кроме вышестоящего руководства, никого к нам не пропускать, если что, записывайте обратившихся ко мне людей, позже с ними встречусь.

– Так точно, товарищ капитан! – ответил солдат.

Офицер пропустил вперед Баталова, показав рукой, чтобы тот поднимался по лесенке в кунг машины. Там их уже ждали.

На откидных от борта салона стульях сидели начальник разведки майор Беленков и два незнакомых Баталову офицера. По возрасту они старше его, может, и по званию, один – афганец с красивыми черными усами и бородкой с проседью. А широкие бакенбарды у него – загляденье.

– Старший лейтенант Баталов, прибыл, – стал докладывать им из-за спины командира разведвзвода капитан.

– Присаживайтесь, старший лейтенант, – указал ему один из них на стул, сделанный, как и другие, из железных трубок с сиденьями – из узких досок, покрытых темно-зеленой краской.

На столе лежала развернутая карта, освещенная неярким белым светом, пробивавшимся через затемненные стекла кунга, и желтым – из мутных фонарей в потолке.

– Вы с этим районом уже знакомы, товарищ старший лейтенант? – спросил тот же. По тихому и сухому баритону Баталов мог определить, что этот человек достаточно взрослый, лет сорока, не меньше.

– Минуточку. – Приподнявшись, Баталов стал всматриваться в карту и место, указанное карандашом, упертым в ее лист. Этот участок ему действительно был знаком – кишлак невдалеке от места их дивизии, расположившейся у реки Панджшер. – Товарищ э-э... – И посмотрел на офицера, сидевшего справа.

– Полковник Иванов, – представился тот.

– Товарищ полковник, извините. Здесь расположен нежилой кишлак, он разрушен. Трудно сказать, когда.

– Продолжайте, продолжайте, – стал торопить замолчавшего Баталова майор Беленков. – Извините меня, товарищ полковник, что перебил.

Тот, пропустив выпад майора, застучал задней частью карандаша по карте и сказал:

– Продолжайте, товарищ старший лейтенант. Для информации, этот кишлак был разрушен в 1983 году. Так что вы правы, только не нашими силами, а пришлыми из Пакистана бандформированиями, пытавшимися овладеть им. Кишлак небольшой, Ахмад-Шах Масудом он используется не для проживания в нем мирного населения, а для своего рода таможни, проверяющей проходящие по этому ущелью караваны в Афганистан из Пакистана и обратно.

– Понял, – невольно перебил старшего офицера Баталов. – О том, что в нем неудобно проживать долгое время, согласен с вами. Здесь, кроме небольшого сада и полянки у реки для выпаса скота, больше ничего нет. Состоит этот кишлак из десятка полуразрушенных домов.

– Понятно, – кивнул головой полковник. – А сейчас в каком он состоянии? Вы были в нем неделю назад.

– Когда были над ним, до прохода колонны, присутствия людей в нем не обнаружили. Но когда в него вошли, то стало понятным, что это далеко не так. Несколько домов отремонтированы. В комнатах сено, старые одеяла...

Еще обратил внимание на горный арык, он впадает в реку Панджшер. По его берегу было много свежего конского навоза. Значит, душманы здесь были. И перед тем, когда мы начинали здесь десантироваться с вертолетов, ушли.

– Почему к такому решению пришли? – глядя в глаза Баталова, спросил полковник.

– Ну, не только из-за навоза. В нескольких местах нашли рассыпанные патроны от ДШК. Видно, торопились люди, рассыпали их, а собрать времени не было, вертолеты приближались к кишлаку. Мы их из иллюминаторов вертолетов не видели. Спокойно высадились, никто по нам не стрелял.

– Логично, – улыбнулся полковник.

Его лицо на скулах вытянутое, при улыбке появляются небольшие вертикальные морщинки на щеках, покрытых мелкой порослью пробивающейся серой бородки.

– Что еще отметили? – Полковник поднял глаза на старшего лейтенанта.

– У трех домов выстроены новые дувалы (глиняные заборы). В прошлом году их не было. Проходов внутрь их дворов мы не обнаружили, значит, люди забираются в них по веревочным лесенкам или через какие-то подземные переходы. Их тоже не обнаружили.

Товарищ полковник, у нас была возможность сутки наблюдать за этим кишлаком. Дозорные посты были устроены в четырех местах над кишлаком. Я доложил командованию, что афганская колонна, шедшая впереди нашей, в полдень была обстреляна душманами, где-то в километре от кишлака, – продолжал докладывать Баталов. – Приказ снимать свои посты я получил только на следующее утро. Передвижения ни днем, ни ночью, ни на рассвете, ни в кишлаке, ни на подходах к нему не обнаружил, – с последним словом Баталов и выдал из себя собранный в легких воздух.

– А где расположены эти дома с новыми дувалами?

– Профессионально душманы к этому подошли, товарищ полковник. – Виктор Баталов наклонился над картой. – Один – вот здесь, перед кишлаком, на повороте дороги со стороны Баграма. В метрах ста пятидесяти от него небольшая зеленка идет, фруктовый сад. Второй дом – посередине кишлака стоит. Если это их крепость, то с нее просматривается центральная зона от дороги, до самой реки. Обзор широкий – около полукилометра. А третий дом, с таким же высоким дувалом, стоит на выезде из кишлака в сторону Пакистана. Из него просматривается дорога метров на триста и левая часть скалы.

Кстати, еще на что обратил внимание, в центре около арыка небольшой дом стоит, с открытой верандой. Внутри дома чисто. Даже слоя пыли на скамейках нет.

– На скамейках?

– Да, на середине веранды большой стол и вокруг него скамейки, такие же деревянные.

– Неплохо сработали, – улыбнулся полковник и посмотрел на афганца.

Но тот почему-то развел руками. С чем это связано, только им и было известно.

В дверь салона постучали, и в открывшуюся дверь машины заглянул солдат-охранник, просунув капитану конверт.

Тот, вытащив из него еще сырые фотографии, подал их полковнику.

Баталов приподнялся, желая взглянуть на них, но рука особиста капитана придавила его плечо, мол, не твоего ума дело.

– Вроде его нет, – сказал полковник и глянул на внимательно рассматривающего фотографии афганского офицера.

Тот тоже помотал головой, но в одной из них его что-то заинтересовало. Весь напрягся и, вдруг что-то вспомнив, показал пальцем на кого-то, шепнув полковнику на ухо: «Азат». А может, Базат или Казат, Газат. Баталов четко названного имени не расслышал.

Оказывается, не только он.

– Кто-кто? – спросил у него полковник.

– Та-а, – махнул рукой афганец и что-то громко сказал на своем языке. По резкому голосу, похоже, выругался.

И полковник Иванов, поняв, что тот сказал, помотав головой, вздохнул:

– Этого еще только не хватало! Блин. С такой охраной. Ну, старлей, ну, молодец! Ну, удружил ты нам! – И посмотрел в глаза Баталову.

– Я не понял, – поднялся командир разведвзвода и глянул на протянутую ему афганцем фотографию.

На черно-белом фото было заросшее лицо одного из убитых душманов.

– Твоя работа? – резко спросил у него полковник.

– Этот вторым упал, – пытаюсь смочить слюной рот, глухо прошептал Баталов.

– Ну, молодец!

– Товарищ полковник, не наша это работа. Он же над нами был. И пуля ему в грудь попала. Не мог он так высунуться? – почему-то начал оправдываться Баталов. – Значит, кто-то напротив нас еще был. У меня после этого тоже сомнение закралось.

– Почему? – посмотрел на него полковник.

– Судя по пробитой каске младшего сержанта, у того снайпера мы все были как на ладони. Его пуля с затылочной части коснулась каски и сбила ее с головы младшего сержанта.

– С южной части скалы первым начал работать их снайпер, – доложил майор. – Успел сделать два выстрела и все. Наш его убрал и закончил свою работу.

– Это доказательно, Максим Максимович? – посмотрел на майора Беленкова полковник и, отметив его кивок, покачал головой. – Ну что ж, тогда все понятно. – И полуобернувшись к Виктору, продолжил: – Товарищ старший лейтенант, к вам у нас вопросов больше нет. С везением! – И, пожав ему руку, показал, что он свободен вместе с майором.

## Глава 2

### Нехорошая история

– Вот повезло, так повезло, – сжав губы, старший лейтенант остановился.

– Ты прав, – согласился с ним майор, и, подтолкнув Баталова в спину, обогнал его и пошел впереди. – Только сам не понимаю, как могло такое быть. Наш стрелок не в этой зоне был, а юго-западнее. Эта зона обстрела не его, так как находится под нашим вниманием, да и слишком уж отвесная скала здесь, хм. Согласен? – Остановился и исподлобья посмотрел на Баталова.

– Так вы, получается, товарищ майор, наврали полковнику про духовского снайпера?

– Ой, как вас понесло! – остановил старшего лейтенанта Беленков. – Спасибо своему Дашкову скажи, вернулся и доложил об этом. Дал тому только два выстрела сделать. Был от него совсем рядом и ликвидировал, – легонько постукав указательным пальцем в грудь старшего лейтенанта. – Так что, молитесь на этого парня, товарищ старший лейтенант, и считайте, что он стажировку снайпера уже прошел. Понятно? И я вывожу его из вашего взвода окончательно с этой минуты. Понятно?

– А доказательства какие-то тому, что против наших работал душман, а не Дашков, есть? Вы же сами понимаете, что моим дембелям обратного сейчас не доказать. Не поверят и прибудут Дашкова, не здесь, так там, в части, по возвращении.

– Хм. – И майор резко повернув направо, пошел не в сторону штаба, а к реке, на краю которой расположились палатки отдельных подразделений: разведвзвод, стрелковый, саперная рота.

– Напомни, что там между ними произошло? – замедлил шаг Беленков.

– Та, как обычно, товарищ майор. Пополнение прибыло, несмотря на то, что полгода прослужили в учебке, принимают дембеля их, как черпаков, унижают, так сказать, ставят на место. Ну, как и их в свое время, – вздохнул командир взвода. – А Дашков, сам по себе вроде и незаметный, невысокий, худой, вроде ткнешь в него пальцем и переломишь. И вот когда из черпаков в первую ночь сделали поезд, и катались на них, Костя Иваков, говорят, взгромоздился на Дашкова со своим чемоданом. Парень выдержал, но не больше.

– В смысле? – остановился майор.

– Ну, не выполнял все причуды своего пассажира. Не сигналил, быстро не ехал, а так спокойно нес Ивакова на себе, без раскачки, как требовал тот. Ну а когда наездник устал и сбросил панаму на пол, потребовал, чтобы Дашков отдал ему свою, новенькую. Тот не поддался. Костя за это попинал его. Тот, в конце концов, подчинился, встал, и натянул ему со всей силы свою панаму за уши. И кто-то пошутил, что у Ивакова на голове не панамы, а пи...да. И все.

– Да уж, – майор покачал головой. – И, получается, Иваков теперь ищет любую причину, чтобы поиздеваться над Дашковым? Хм, понятно.

– Товарищ майор, так какое есть доказательство, что та пуля в каску не дело рук Дашкова?

– Винтовку того снайпера он притащил с собою, М21 с немецким 16-кратным прицелом. Это доказательство? – И майор исподлобья посмотрел в глаза Баталова.

– Вот тебе и на-а-а, – покачал головой Баталов. – А я даже выстрела того не слышал.

– Глушитель одет был на ее ствол. Того стрелка нашли, труп свежий.

– М21? Что за винтовка?

– Та же M14 National Match. На ее основе американцы в шестидесятых годах разработали снайперскую винтовку. И вам просто повезло, ребята, что рядом с тем стрелком оказался ваш

Дашков, а у душмана оказия вышла – патрон заклинило. Увлёкся его вытаскиванием, а сверху на него Дашков...

Подбежавший к майору командир стрелкового взвода лейтенант Севаков так и не дал закончить эту фразу Беленкову.

– Товарищ майор, разрешите обратиться? Дашкова его, – кивнул в сторону старшего лейтенанта Баталова, – тупоголовые искали.

– И?.. – громко спросил у лейтенанта майор.

– Не нашли его, но все там в палатке перевернули, дневального чуть не задушили. Если бы не заскочил туда вовремя, то не успел бы, это уже совсем...

– Кто, кто это был? – схватив лейтенанта за рукав, Баталов потащил его за собой к своему подразделению. – Блин, да я сейчас их сам опущу...

## Глава 3

### Первые смерти

#### 1

Подошва ботинок не скользила по открытым каменным уступам, очищенным ветрами до блеска. Но забираться по ним выше становилось все труднее и труднее, так как пологие подьемы начинали становиться круче и упираться в вертикальную часть скалы. Но Генка Дашков не пасовал, он продолжал искать более удобный проход к ущелью.

Перед ним поставлена задача, провести наблюдение за спускающимися по соседнему склону скалы несколькими группами разведвзвода. Насколько важно это задание, Геннадий понимал. Хотя сначала удивился тому, что выполнять его будет, как положено, без наставника, или правильнее сказать, «первого номера». Но и это объяснимо, идет армейская операция, все снайпера на выполнении поставленных задач. А он, неожиданно командированный в их взвод, это единственная не задействованная единица.

Да и его действия, можно сказать, пройдут на виду, в трехстах метрах от расположившейся в низине скал воинской части. А то, что за ним сейчас кто-то наблюдает, он не сомневался. Новый командир указал ему ориентир – сколотой скалы, под которым находилось несколько выступов. Именно с этого места Дашкову будет удобнее вести наблюдение за спускающимися солдатами с хребта скалы, расположенной напротив. Его задача их охранять.

Ущелье было неглубоким, с полкилометра, а может, и меньше, как и расстояние между хребтами. До ориентира дойти оставалось совсем немного, а как это сделать, вот в чем вопрос. Впереди стена скалы. Где-то слева, каменные ребра, по ним разве что.

Отдышавшись, Геннадий двинулся в сторону ущелья. Ребра оказались не лесенками, по представлению Дашкова, когда рассматривал их снизу в бинокль, а достаточно высокими скальными хребтами. Единственное, что успокаивало, уклоны их были не вертикальными, а пологими и удобными для перемещения по ним.

Сначала шел медленно, короткими шажками, приучая тело идти согнутым на правый бок. Следующая часть порога, оказалась более пологой. Добрался до ущелья и глянул вниз. Качнуло. Еле удержался и присел на корточки, приучая свой вестибулярный аппарат к новому положению.

Ущелье было глубоким, состояло из скальных сколов, успокаивало то, что если двинуться по склону скалы дальше, то под ногами в метрах десяти тянется небольшой хребет.

Осмотрев несколько ориентиров, между которыми должны завтра утром спускаться разведчики, Геннадий принял решения двинуться дальше и найти удобное место для своей огневой точки.

К счастью, она была рядом, в метрах тридцати: скальный карман два на четыре метра. Вглубь уходил, сильно сужаясь. Но, то, что это не пещера, успокаивало, как и то, что вначале было ровное место, позволяющее удобно расположиться для наблюдения и стрельбы. А еще и то, что если смотреть прямо по склону скалы, этот карман не заметен. А второе, Гена может в нем полностью спрятаться.

Но для духовского снайпера, который вдруг расположится напротив, с той стороны ущелья, он будет прекрасно виден. Остается вся надежда на то, что его там нет.

Сняв винтовку, рюкзак, Геннадий лег на живот, ища более удобное положение для тела. Выложенный вперед рюкзак, давал хорошую возможность расположить на нем ствол винтовки и целиться.



Приложив цевье к подбородку, приложился к прицелу и начал настраивать резкость, ища приблизительно ту тропку, по которой могут спускаться ребята. Но со временем пришел к выводу, что определить это место просто невозможно, значит, завтра ему придется их искать, а после сопровождать, обыскивая по сторонам душманские огневые точки.

«Точно, точно, – согласился с этой мыслью Дашков, продолжая через прицел осматривать скалу. Заинтересовал такой же, где он сейчас находился, небольшой хребет скалы. – Вот этот участок и может быть наиболее опасным, – подумал Геннадий. – Душманы могут здесь сделать засаду или заминировать этот участок. Так что нужно с этого места не спускать глаз. Теперь, чтобы не потерять это место, нужно определить его ориентиры. Первый – светло-серая полоса. А нет, это лучи солнца так освещают этот участок, а с утра солнце будет находиться на другой стороне».

«Хорошо это место немножко ниже его, так что можно просто расположить рядом с собою четыре камня в ряд, между которыми ляжет винтовка, и останется ее ствол только несколько опустить. А где же эти камни? – осмотревшись по сторонам, Геннадий от досады невольно сплюнул, в кармане, где расположился он, ни одного камушка, как и снаружи. Значит, вместо них нужно что-то достать из рюкзака».

Двух лимонок было недостаточно, к счастью, он взял с собою шесть гранат. Теперь бы только их не сдвинуть, как и во сне.

Красные лучи солнца стали подниматься выше и выше, освещая выступ скалы напротив, что говорило о том, что вот-вот наступит ночь.

Сдвинувшись вправо, Геннадий отодвинул к стене винтовку и уложил ее. То, что она будет находиться чуть дальше его вытянутой руки, это правильно, теперь точно во сне он ее не дотронется.

Спальный мешок, который ему настойчиво приказал лейтенант стрелкового взвода взять с собою, он развернул и улегся на него сверху. Через некоторое время почувствовал от него тепло, и поэтому локоть, которым упирался на камень, переложил на мешок.

Сделан этот «спальник» был в Китае, из лебединого пуха. Места много не занимал, по весу – легкий, граммов пятьсот, не больше.

Ночь вот-вот опустится на землю. Просыпающееся чувство голода напомнило об ужине. Достав из рюкзака тонкую жестяную консерву, зацепив пальцем петушок, вскрыл ее крышку. Тонкий слой сала был скручен, и его бочки призывно смотрели на Генку.

Зацепив его пальцем, Дашко откусил небольшой кусочек. Сало было малосольным и вкусным. Медленно пережевывая его, Геннадий нащупал в рюкзаке брикет с сухарями. Они были из ржаного хлеба. Взяв один из них, разломил и маленький кусочек отправил в рот. Сосать его вместе с салом было одно удовольствие.

Наевшись и вылив с консервы остатки сока себе в рот, начал размышлять, куда ее деть. Не класть же назад ее в рюкзак, второпях и порезаться можно. Поэтом положил ее в самый конец своей мини-пещерки.

Ночь была беспокойной. Желание по-маленькому сходить, решил терпеливо донести до рассвета. Первая причина в таком решении связана с гранатами, лежащими слева от него в два ряда. И не столько от испуга, что нарушит их расположение, как то, что может нечаянно их столкнуть и они полетят вниз.

А второе, под себя же не сходишь, этого только еще не хватало.

С этими мыслями и уснул, прячась от горного холодного воздуха в теплое покрывало спальника.

Сон с легкостью подхватывал его сознание и уносил с собою в другие миры, но через некоторое время сознание выбивалось из его чар и напоминало своему хозяину о том, где находится. И сколько ни пытался Геннадий себя остановить от желания сходить в туалет, но

не мог этого сделать, и тут же просыпался. В висках молотил молот, давление повышалось до такой степени, что заболела голова.

Геннадий аккуратно вылез из своего спального скафандра и полез внутрь мини-пещерки. Выемка, где покоилась консервная банка, имела углубление, а значит, моча задержится там и не польется на него и его спальный мешок. Это успокаивало. А запах, так со временем выветрится. На часах почти два утра, до рассвета полтора часа. Нужно выспаться.

## 2

Разлитое по воздуху черное кофе, начало оседать, делая его более прозрачным. За ним стали появляться и темные очертания скалы, расположенной с той стороны ущелья.

Очень не хотелось вылезать из теплого спального мешка, и самое опасное, что это пыталась доказать ему и мысль, будто его участие в этой операции ненужно. Просто отправили парня на задание, чтобы приучался к будущей службе в стрелковом взводе.

Шорох, раздавшийся где-то рядом, заставил Дашкова замереть. Прислушивался, и в мгновение на крик дневального «Рота, подъем!», он был готов выскочить с кровати и бежать в коридор на построение. Только бы кто-то из дембелей не увидел, что он лежит в кровати уже одетый.

И вдруг он расслышал чье-то дыхание с легким покашливанием, приближающее к нему. Он знал, кто это, младший сержант Иваков, тот, на чью голову он несколько месяцев назад натянул свою панаму до ушей...

«Сегодня я тебя буду медленно убивать, – прошептал Иваков, – как змея мышь! Хе-хе-хе».

Геннадий дернул головой и, открыв глаза, осмотрелся по сторонам. Было уже светло. Очертания горы в легком покрывале облака хорошо просматривались. И создается такое впечатление, что облако – это всего лишь мыльная тряпка, которой хозяйка вытирает начисто намыленное окно, и воздух становится умытым до прозрачности. А мыло растворяется в нем и скатывается каплями вниз.

«Еклмн! – выругался про себя Дашков и, вылезая из спального мешка, глянув на часы, еще больше заволновался – 06.37. – Проспал!»

Уложив винтовку между лимонками и сняв с прицела крышку, двинув ее вправо, чуть не сбил дальною от себя гранату. Но, к счастью, она не покатила вниз, но щелчок железа об ее выпуклые ребра был громким.

Засунув гранаты в рюкзак, припал правым глазом к окуляру прицела и стал осматривать скалу. То, что он принял за выступ, оказался прав. Поднявшееся над скалой солнце давало ему возможность просчитать приблизительно даже его ширину, метров около десяти – двадцати, местами и шире. А длина около пятидесяти. И представляет оно собой не ровную поляну, а нагроможденную невысокими каменными выступами, что дает возможность там сделать засаду.

«Хотя, сверху-то все просматривается», – изменил свое мнение Геннадий и, приподняв ствол винтовки, стал искать спускающихся к этому месту людей. То, что они еще не прошли ниже этого выступа, верилось, так как скала достаточно высокая, вертикальная, и спуститься по ней, как по перилам, не удастся. Не думается, что они начали это с рассвета.

И нашел их. Ребята, как муравьи, спускались прямо над этим местом. Их выпцветшие до белизны комбинезоны хорошо просматривались на еще темном фоне скалы. Вторая группа была значительно выше их.

Когда опустил ствол ниже, к выступу, показалось, что что-то здесь изменилось. Что? Камни на месте, семь их. Погоди, погоди, а было шесть вроде. Да-да, вон того, самого левого крайнего не было вроде. Вроде?

Что он вырос здесь за ночь? Считал же их вчера вечером. Да-да, считал, чтобы не потерять это место. Неужели ошибся, забыл. Бывает же такое.

Группа наконец-то спустилась к выступу и, не задерживаясь на нем, продолжила движение дальше.

Под ним оказался еще выступ, на котором и были те самые шесть каменных глыб. Значит, верхнего выступа он вчера и не заметил, а только нижний.

Первым спускается, кто, по спине не разобрать, как и тех, кто над ним. И вот когда они оказались на выступе, то лица каждого из них хорошо видны.

«О, Мишка Серегин! Первым шел. Как всегда, молодым вперед, – ухмыльнулся Геннадий. – Везучий ты, Мишка, что ни скажут, то и делаешь. Ну да, хотя я на тебя не обижаюсь. Что в учебке на тебе дембеля ездили, что здесь. А я вот не выдерживаю такого, ни там, ни здесь. Вот и одел на голову Ивакову шляпу по самые уши... А вот и вы, товарищ младший сержант. Знаю, чувствуешь, что в следующий раз не кепку на тебя надену... Вот и боишься со мною ходить на боевые. Глупо, я не из тех, кто зло долго помнит. И не взыщу, так как живешь ты на юге страны, далековато, да и не каратист, чтобы твою боксерскую рожу натывать кулаками. Зато теперь я в другом взводе служить буду, а будет возможность, приколюсь над тобой. Это я тебе обещаю».

Каска, упавшая с головы Мишки Серегина, отвлекла внимание Геннадия с младшего сержанта. На щелчок, раздавшийся где-то внизу, воспринял как звук от упавшей каски на камни. Но после второго Дашков понял, что это не так, и, сделав движение вперед, стал искать под собой хозяина этих щелчков.

Он оказался почти под ним, метрах в десяти слева. Человек в афганской одежде, стоявший на одном колене и пытавшийся перезарядить свою винтовку.

Рука у Геннадия затряслась. В человека он еще ни разу не стрелял, а только по мишеням. И даже хорошо, кандидат в мастера спорта по стрельбе из винтовки...

Щелчок, раздавшийся снизу, и положение стрелка, вскинувшего винтовку и начавшего целиться, говорил о том, что вот-вот он произведет еще один выстрел. И Геннадий, наведя на него свою винтовку, нажал на курок.

Душман тут же упал на землю, голова стала красной.

Новый выстрел, раздавшийся с той стороны ущелья, привлек внимание Дашкова. Мысль о том, что бойцы старшего лейтенанта Баталова так быстро вычислят того, кто стрелял по ним, и откроют ответный огонь, она придет к нему позже. Когда дрогнет уверенность в том, что он, не целясь, убил душмана-снайпера, ведь пуля ему попала в лицо. Это возможно было сделать, если бы тот посмотрел на Геннадия.

Но в тот момент, когда прозвучал дальний выстрел, он заново припал к окуляру прицела и стал искать стрелявшего. Его он нашел быстро: группу душманов, бегавших на верхнем выступе скалы, на которой только что были солдаты разведвзвода.

То, что нужно было удостовериться вначале, душманы это или нет, Геннадий не думал. Он прекрасно видел две фигуры, стрелявшие вниз по солдатам, уткнувшимися своими спинами в скалу. Прицелившись, замер. Куда стрелять? В голову, которая скачет в прицеле, как теннисный мячик по столу, или в грудь? Она шире. Нажал на курок. Фигура полетела вниз. Вторая пока не двинулась с места, перекрылась крестиком и тоже после выстрела полетела вниз.

Стрелять с колена было очень неудобно. Лег на камни и, уперев цевье винтовки в рюкзак, затаив дыхание, стал искать следующую фигуру. Нажал на курок. Но вроде бы не попал. А вот следующая, приближающаяся к этой, говорила о том, что цель поражена. И снова медленно, чтобы не увести хоть на миллиметр ствол от нужной цели, придавил курок. Отдача в плечо была хорошо ощутима. Ошибка понятна, не придавил приклада к плечу, оставив его навису. Но цель поражена.

### 3

После спуска второй группы к первой наблюдал, как двое парней помогали спускаться раненым. Ефрейтор и младший сержант были в сознании и двигались самостоятельно. А Геннадий, то сопровождая их спуск через прицел, то осматривая через него территорию по сторонам, не оставлял ни один их шаг без внимания.

То, что произошло чуть ранее, он не задумывался, подсознательно понимая, что ему удалось в какой-то степени предотвратить расстрел душманами своих ребят. И только после того, как группы перешли дорогу и направились к палаткам, раскинутым на берегу реки, он отложил в сторону винтовку и, закрыв ладонью глаза, стал глубоко вдыхать в себя воздух.

То, что он должен сейчас вернуться в воинскую часть, понимал. Но не пустым. Если он не принесет винтовку того духовского снайпера, то ему привяжут и ранения наших солдат. Поэтому нужно спуститься и забрать винтовку у убитого стрелка. Но вместе с этим возникает второй вопрос, безопасно ли это. Неужели этот стрелок был одним, как он, Дашков?

Не верится. Скорее всего, с ним было сопровождение. И они еще не ушли. Выглянув вниз, удостоверился в том, что тот снайпер так и остался лежать, и никого рядом с ним нет. И по сторонам тоже.

Пуститься отсюда к телу убитого невозможно, скала отвесная. Собрав спальный мешок и засунув его в пенал, прицепил его к рюкзаку и, закинув на спину, привстав, двинулся к выходу.

Выход на нижнее ребро скалы был легче, чем в верхней части. Да и проход под стеной скалы здесь шире. Выйдя на него, Геннадий бегом направился к труп. Затылочная часть его головы была в крови, Развернув его к себе лицом, увидел аккуратное отверстие над левым глазом.

«Все-таки ты посмотрел на меня?» – спросил у убитого Дашков.

На глаз ему лет сорок. Взрослый мужчина с подстриженной седовласой бородкой. То, что это был афганец, вопросов не возникало, но лицо было ухоженным. Бородка была аккуратно подстрижена, поросли выше, на лице, не было.

Винтовка была иностранной, какого типа, Геннадий не знал, да и времени терять, чтобы разобраться в этом, у него не было. Вытащив ее из-под тела убитого, побежал назад.

### 4

Первым, кто встретил Геннадия, был незнакомый офицер с несколькими солдатами. Судя по повязкам, патрульные.

– Стой, тихо, присядь. Оружие на землю. Представься.

– Рядовой Геннадий Дашков, с разведвзвода.

– Почему две винтовки с собою? – подошел к нему офицер.

– Снайпер, выполнял задание по сопровождению наших групп, спускавшихся по той скале, – кивнул Дашков в ее сторону.

– Ты один? – спросил офицер, рассматривая иностранную винтовку.

– Так точно. Это от ее хозяина кровь.

– Молодец. Мы тебя проводим. К кому?

– Товарищ офицер, извините, не знаю вашего звания.

– Прапорщик, – представился тот.

– Товарищ прапорщик, наверное, к начальнику разведки или в стрелковый взвод к лейтенанту Севакову.

– Лучше к оперативному дежурному, – снисходительно улыбнулся тот, – он быстрее разберется, чей ты. Прошу. – И, отобрав у Дашкова обе винтовки, рюкзак, вытащив из ножен штык-нож, показал ему рукой, куда идти.

## Глава 4

### Мужик

#### 1

Сколько лет ефрейтору Андриенко, угадать трудно. Губы, потрескавшиеся до крови, облезшая и шелушащаяся кожа на лице, впалые глаза, выцветшие брови, как и волосы на голове. Роста ниже среднего, худющий, походка – еле ноги переставляет, рукопожатие так себе, вложил свою ладонь в твою, как сухую скомканную тряпку, и вынул. На вид этот человек лет семидесяти. Старик.

Но это на первый взгляд. А на самом деле парню всего-то около двадцати лет. В армию попал после школы, не поступил в институт, чуть-чуть недобрал нужного балла. От предложения с теми набранными баллами поступить на факультет физической культуры отказался, так как хочет стать историком. А то, что кандидат в мастера спорта по стрельбе, то это считал всего лишь увлечением.

– Зовут Саша, – представился он, – по военному билету, в народе – Мужик.

– Гена Дашков, тоже ефрейтор, из разведвзвода.

– Слышал, – присел на ящик из-под боеприпасов Андриенко. – Слышал о твоих сегодняшних успехах. А зачем из разведки решил к нам перейти? – прищурившись, смотрит в глаза Дашкова.

– Та разве у меня кто-то об этом спрашивал? – развел руки Геннадий. – Наверное, потому, за то, что характерами с нашими дембелями не сошелся.

– Хм, а разве такие люди бывают, кто сходится? – на лице Александра появилась ухмылка.

– Не знаю, – пожал плечами Геннадий.

– А я тоже ведь один из них, из дембелей, – снова прищурившись, Андриенко посмотрел на Дашкова. – Ладно, сейчас в твоё старое гнездышко ходим, за манатками твоими. Только резину не тяни там на вздохи, времени на отдых ноль. Хорошо, если пару часов нам дадут поспать. Пошли.

Геннадий взял винтовку, рюкзак и не торопясь шел за Мужиком.

– А винтовку, что, сейчас в разведвзводе оставить? – спросил Дашков.

– Потом, когда вернемся в часть, сдашь её, командиры между собой так решили.

– Хорошо, если так. – Но следующий вопрос, в какой операции будет завтра участвовать, Дашков, с трудом удерживая своё любопытство, задавать не стал. Глодала больше другая мысль, как встретят сейчас его дембеля. Говорят, очень злые были, когда несколько часов назад искали его, считали, что пуля в каску младшего сержанта, это его рук дело, Генкино...

Вечер рассыпал в небе тусклые искры от костров – звезды. Никто из командиров подразделений, ни солдат не боялся обстрела с гор. Хотя, это как сказать. Быть уверенным, что ты защищен со всех сторон выставленными блокпостами, никто не мог. Поэтому, когда опускалась на полевой лагерь ночь, костры потихонечку тушились и в течение следующего часа исчезали. Ночь только опустилась в ущелье Панджшера, и солдаты, разогревая в огне тушенку, смешивая её с кашей, ели не торопясь.

У палатки разведвзвода собрались дембеля, на сложенных друг к другу ящиках из-под боеприпасов, разложены сухари, открытые консервы тушенки, стуженного молока, литровые бутылки с вареной картошкой. На алюминиевой плоской тарелке – горка сахара-рафинада, по краям её – железные кружки с парящим чаем.

– О, кто к нам в гости идет! Мужик, ты ли? Вот так гость! – воскликнул сержант Спелов и, поднявшись, пошел навстречу к Александру Андриенко.

– Привет, Леня, – пожал ему в ответ руку тот. – Мир всем.

– Слышал, твой второй номер остался там?

– Да, – вздохнул Андриенко, – нет больше Генки.

– Может, по капельке, помянем его грешную душу? – прошептал сержант.

– Рад бы, да уже собираться в дорогу пора. Я по какому делу. – И, отступив в сторону, показал на Дашкова: – Знакомьтесь, мой второй номер. Забираю его у вас.

– Да-да, знаю, – искоса посмотрел на Геннадия Спелов. И, подойдя поближе к Дашкову, посмотрел на него исподлобья. – Что, крыса, бежать решил? Думаешь, все уляжется? – И, ухватив солдата за скулу, поднял ее, заглядывая в Генкины глаза. – Не сейчас, так потом свидимся? Не Иваков, так я. – И, резко отодвинув лицо Дашкова от себя, с силой толкнул его и начал снова напирать на него.

– Э-э, стоп, – встал между ним и Дашковым Мужик. – Я так скажу, Леша, спасибо ему должны сказать, а не лезть в драку. Спас он вас.

– Мужик, я тебя хоть и уважаю, но это до поры до времени. Дембель, так думаешь, все можно? – Ухватив за плечо и встряхнув его, опустил свою голову Спелов и, смотря Александру прямо в глаза, сплюнул в сторону. – Ты не лезь в наши дела, Мужик, а то, глядишь, мало чего будет.

– Я все сказал! – Голос у Андриенко сорвался, осип.

– Это я сказал! Война закончится, поговорим. – Было видно, что нервы у сержанта накалились, говорил лая, быстро дыша, словно после длинного бега. – Понял, Мужик? Это я тебе говорю!

Генка не знал, что делать: броситься на этого увальня и вцепиться ему в глотку или по морде, что есть силы надавать, пока тот не пришел в себя.

Но кто-то из обступивших их со всех сторон дембелей резко сказал Генке, чтобы забирал быстрее свои вещи и духа его здесь больше не было.

Схватив свой рюкзак, лежавший у палатки, Геннадий, пробившись в середину солдат, ухватил за локоть Мужика и потащил его за собой.

Тот вначале начал сопротивляться, но, увидев, что его тянет Дашков, отступая назад, сказал Спелову всего одно слово: «Посмотрим!» И быстро пошел с Генкой в сторону своего подразделения.

## 2

В два двадцать, получив последние указания, командир стрелкового взвода, забрав у них фотографии, перекрестив Александра с Геннадием, сказал: «До встречи!», – и пропустил их из палатки в ночь.

– Да не забудьте пароль: «Десять», – напомнил он им вдогонку.

Поправив на плече винтовку, Геннадий то прибавлял шаг, то тормозил, чтобы не наткнуться на Андриенко, идущего впереди него. Его черно-зеленое тело то пропадало из обзора монокуляра ночного видения, то резко появлялось. И отступая от него на несколько шагов назад, Геннадий старался приучить себя видеть не только сослуживца, но и булыжники, по которым шел.

Река, по берегу которой шли, была шумной, бурлящей, поэтому мысль, что Мужика, говорящего тихо, вовремя может не расслышать, Дашков старался от себя его далеко не отпускать.

– Семь, – сказал он и резко остановился.

– Что? – чуть не сбив с ног Мужика, спросил Дашков.

– Идите, – услышал он чей-то тихий голос, и теперь до него дошло, что они наткнулись на патруль.

Александр, ничего не сказав в ответ, пошел дальше. Догоняя его, Гена невольно задумался о том, почему Мужик идет налегке. В свой рюкзак даже пайка не положил, хотя их поход рассчитан на целый день, а может, и два. Значит, рассчитывал Андриенко на него, поэтому уложил на всякий случай в свой рюкзак третий паек.

Александр это видел, но ничего не сказал. Ясное дело, он дембель, о чем вчера невзначай и напомнил Геннадию. И свои две «лимонки» (гранаты Ф-1) сунул ему в довесок, мол, пригодятся.

И снова спина Мужика с рюкзаком и привязанным к нему тонким рулоном спального мешка, резко остановилась.

– Снимай штаны с обувью, привязывай их к рюкзаку, – быстро говорил он. – По той стороне реки пойдем. Камни в воде скользкие, углы острые, так что будь осторожен. Снимай монокуляр, а то батарейки посадишь, и в рюкзак его засовывай, чтобы не потерять и не намочить. Это я тебя в последний раз предупреждаю. – И сам с себя стал снимать обувь, штаны...

К счастью, река была неглубокой, но широкой. Дашков не раз поскальзывался на булыжниках, покрытых скользкими наростами водорослей, но успевал переставить ногу, чтобы не упасть. Сдерживал крик от боли, наступив на острые ребра камней или, когда сбивал какой-то палец на ногу.

И конца и краю, казалось, не было этому передвижению по реке. И здесь уже Геннадию не было времени смотреть вниз, так как спина Александра очень часто пропадала из его обзора, и ничего не оставалось, как догонять его.

Раскрытая ладонь правой руки Мужика над плечом заставила Геннадия остановиться. Он стал прислушиваться, смотреть по сторонам, но, кроме бурлящей речной воды, ничего не видел. И чуть не упустил момента, когда Александр двинулся вправо. Вот бы история сложилась, если бы он, Геннадий, потерял его.

Вышли на берег из мелкого гравия.

Надев штаны с обувью, Александр вошел в зеленку – растущие плотно в коде деревья и кустарники. Геннадий – за ним. Поросль, к счастью, была не очень плотной. Минут через пять преодолели ее и вышли к краю дороги, разделявшей заросли от скалы.

Оказывается, уже начался рассвет. Склон горы еще плохо просматривался, поэтому Александр решил не торопиться и показал рукой, чтобы Геннадий присел.

Облокотившись рюкзаком о дерево и поправив приклад винтовки, Дашков расслабился, дав плечам и спине отдохнуть. Предстоящая работа ничем не отличалась от той, которую он выполнял в разведывае: наблюдение, охрана, устранение целей.

Фотографии объектов, за действиями которых они должны были сейчас наблюдать, были портретными, что усложняло. Во-первых, все зависело от расстояния до объекта, его освещенности, чтобы разобраться, тот ли это человек на самом деле. Дополнительно неплохо бы для этого еще и знать его рост, осанку, манеру движения. Но и этого мало. Много зависит и от головного убора цели. Чалму, бывает, люди надевают на самый лоб, прикрывая половину своего лица. Вот и разбери, тот ли это душман или нет.

Единственное, что успокаивало Геннадия, он второй номер. Хотя во многом все зависит от того, какую перед ним поставит задачу первый. Не подавать же патроны, как у пулеметного расчета или как у артиллеристов – снаряды.

Второе, что отложилось в памяти, фраза, которую сержант Спелов произнес, похлопывая Андриенко по плечу: «...Война закончится, поговорим!». И это предупреждение прозвучало не только в адрес Мужика, а, в первую очередь, именно Дашкова. А он им «насолил», вспомнил любимое выражение Ивакова Геннадий. Да и не только младшему сержанту, когда натянул ему на голову шапку по самое «нельзя». И Космову, глядя его комбинезон, прижег до черноты



ткань между штанин: будто дембель обделался... За такие выходы он не раз от старших солдат получал по сопатке, но удержаться от таких «проступков» не мог. А виною этому была одна мысль: на колени не стану, не дождетесь...

Андриенко показал пальцем вверх. Геннадий принял этот жест, как приказ идти первым, но, когда сделал шаг вперед, рука Мужика его больно ткнула в предплечье: «Не двигаться!» – прошептал тот.

Снова он показал указательным пальцем вверх и в это же время помотал головой. Раздвинув указательный и средний пальцы, приложил их к своим глазам и указательным пальцем другой руки, левой, показал вверх.

Теперь Геннадию стало понятным, что хотел этим сказать Мужик: за ними сверху могут наблюдать, и кивнул в ответ головой.

Теперь, опустив указательный и средний пальцы вниз, Александр начал ими двигать, кивнув головой влево.

...Дашков отстал от него метров на двадцать – тридцать, как договорились. Шел под самой скалой. Когда Мужик поравнялся с остовами от сгоревших грузовиков, сдвинутыми от дороги к скале, присел и стал прислушиваться. Кругом тишина, если не обращать внимания на песни цикад.

Андриенко исчез: полез по скале вверх. Через десять минут и ему, Геннадию, идти за ним. Считать про себя до шестисот Дашков не будет, а смотреть. Черная стрелка по белому циферблату часов в его сознании уже пошла, пересекая третью пятисекундную полосу – пятнадцать секунд, потом – двадцать, двадцать пять, тридцать. Отвлекла ящерица, бегущая от скалы к дороге. Может, она будет охотиться за теми самыми цикадами, увлеченными любовным песнопением. Ой, как шумно бежит. Шорох ее лапок звучит громче и громче, как и удары хвоста о камушки. Плохая охотница.

Поморщившись, Геннадий отвернулся от ящерицы и посмотрел вдаль, на черные остовы первых трех машин. Теперь шумный бег ящерицы он не слышал. «Глянул» на циферблат: пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь...

«А вот Андриенко хитрый, умеет ходить по земле, как по воздуху, бесшумно, – подумал Геннадий. – А может замер? Хотя нет-нет, оступился. Он ли? – прислушался Геннадий. – Во-во, запрыгал на ногу, ушибся. Не, Мужик, мой батяка тебе сейчас бы такой выговор сделал, что мама не горюй, у медведя слух лучше, чем у человека в сто раз...»

Геннадий хотел было встать, но что-то остановило его: седьмая минута только прошла. Нет, стрелочка еще серая, вот, когда белой станет.

Снова расслабил мышцы ног, плеч. Но не сердца. Оно иногда выдавало его испуг, громче выталкивая из себя кровь. Повернул голову вправо – и сеть, идущая от ушной раковины, напоминающая паутину, снова напряглась, улавливая какой-то шум. Нет, это не шаги, хотя, как сказать. От солдатских ботинок идет шум сухой со скрипом из-за пересушенной кожи, из которых они сделаны. От кроссовок идет другой звук, напоминающий то волчий, то рысий рык. Похоже он. А где?

Стрелка часов исчезла, опоздал (?). Нет-нет, в самый раз.

...Трещина между каменными глыбами была давней. Вода с ветрами сравняла острые каменные ребрышки. Стоит ли подниматься по скальному скосу под сорок – пятьдесят градусов дальше? Глупая мысль, нужно! И Геннадий, хватаясь руками за выступы, стал аккуратно лезть дальше. Где упирался в каменные стены коленями, где ступнями.

Через несколько минут устал, нужно было остановиться и отдышаться.

Задрал голову вверх и чуть от досады не вскрикнул: через несколько метров проход упирался в нависшую над ним вертикальную стену.

«Еклми! – прикусил верхнюю губу Дашков. – Куда же делся Мужик? Куда?»

Опуская правую ногу вниз, с испугом почувствовал, что никак не может найти хоть какую-то для нее опору. Ничего не оставалось, как подтянуть ее вверх, но тут же почувствовал, что упершийся локоть в стену начинает скользить, не выдерживая тяжести его тела.

И тут же сверху что-то подхватило его за шиворот и силой стало поднимать вверх.

– Ну, лезь, лезь! – Это был шепот Мужика.

– Да-да, сейчас. – И Геннадий полез вверх, отталкиваясь руками и ногами от скальной стены.

Андриенко расположился на широком выступе под той самой нависшей над ними скальной стеной. Геннадий лег рядом:

– Спасибо, а то думал...

– Ч-ч-ч-и-и-и. Мы у них на хвосте.

– Душманов? – догадался Дашков.

– В метрах ста, человек семь, идут к кишлаку.

– За ними пойдем?

– Не-а, – покачал головой Андриенко, – похоже, нас здесь ждут.

– Кто?

– Посмотрим. – И показал подбородком вперед. – Здесь отвесная скала, они вниз спускаются перед ней, к дороге. Зачем? Понаблюдаю за ними, а ты здесь останешься. В пятнадцати метрах такая же расщелина, что здесь, духи по ней спустились.

– И что делать, если еще кто-то будет спускаться? Пропустить?

– Слух хороший?

– Да, – прошептал Геннадий.

– Последнего убережешь. Умеешь ножом?

– Человека не пробовал, – вздрогнул голос Геннадия. Скорее всего, из-за того, что в горле запершило, а может, из-за мысли, что к такому поступку не готов. – Но в дерево втыкается хорошо, – нашелся Геннадий.

– Ч-ч-ч-и-и-и. А глушаком? Я спущусь на метров сорок, там выступ есть, – шептал Мужик, – так что ориентируйся сам. Но лучше, конечно, шумнуть, чтобы я узнал о спускающейся за мною группе духов. Как, сам думай.

– Как рябчик. Знаешь такую птицу.

– Не подойдет, – усмехнувшись, замотал головой Андриенко. – Попроще нужно что-нибудь. Свистни, да погромче, умеешь?

– Вот так? – И, приложив два пальца к губам, Дашков не спускал взгляда с Андриенко.

То в ответ кивнул головой.

– Хорошо, – прошептал Геннадий и тут же снова почувствовал дрожь в локтях. Как все это происходит не вовремя.

– Один длинный. В горах сразу и не определишь, откуда свистят. А я пойму. Все, жди меня и прислушивайся ко всему. – Андриенко смотрел не на него, а по сторонам. – Если пропаду, через час не вернусь, сам до того кишлака добирайся. Твоя цель дом третий от дороги, неразваленный, как другие. Те, что на фото, там главари местные будут встречаться с нашим командиром. Следи за ними. Если кто-то попытается напасть на него: убиваешь всех. Все! – И Андриенко исчез.

И только сейчас Геннадий обратил внимание на тянущееся болевое ощущение с правой стороны шеи. Это от того, что Мужик, когда помогал Геннадию подняться, схватив его за шиворот, скрутил куртку на шее, чуть не задушив его.

Вот силища у человека! А на вид хлипкий.

Осмотревшись, Геннадий подполз поближе к обрыву. Дорога просматривалась налево и направо хорошо, метров на триста.

«В горах тихо, рыки мотора танка еле прослушивались, но техники на дороге не видно, значит, движется она не в эту сторону, а обратно, к верхней части Панджшера, в сторону пакистанской границы», – размышлял Геннадий.

Что-то сильно давило в левую часть груди. Это пенал от глушителя, прикрепленный к «лифчику», в котором Геннадий вместо автоматных магазинов хранил винтовочные, «лимонку» и патроны россыпью. Вытащив из него трубку глушителя, накрутил ее на ствол. После снова стал изучать линию дороги.

Прямо под собою заметил темное пятнышко, которого минуту назад вроде бы здесь не было. Припал правым глазом к прицелу и, наведя ствол винтовки на цель, не сдержавшись, воскликнул: «Оп-п-па!» Это был человек, копошащийся на краю дороги. По одежде афганец. Что делает? Устанавливает мину.

Оторвавшись на секунду от прицела, отметил справа от сапера еще одно появившееся пятнышко, в двадцати – тридцати шагах от первого. Тоже моджахед. Они закладывают на дороге мины. Что делать?

Прицелился. Дух, что ближе, начал отползать к обочине. Еще секунда – и уйдет, и указательный палец надавил на курок.

Приклад больно ударил в предплечье и по скуле. Но Геннадий, понимая, что сам в этом виноват, сверившись, что первая цель прекратила движение, искал вторую. После второго выстрела она так и осталась на дороге, как и первая, без движений. Две фигуры, приблизившиеся к ней, стали тащить ее в кустарник.

Выстрел – один из них, взмахнув руками, упал на спину, второй тут же исчез в кустарнике...

Нарастающий гул движущейся сюда техники начал нарастать. И Геннадий, понимая, что нужно принять какие-то действия для предупреждения колонны о заложенных на этом участке дороги минах, припал к прицелу и начал искать хоть какие-то от них метки.

Первый убитый им душман с дороги исчез, проморгал, как его утащили. А может сам, только сделал вид, что его убили-ранили. Этого еще не хватало. Но, к счастью, отметил ориентир у того места, где он лежал. С той стороны дороги каменная глыба. Найдя ее в прицел, стал просматривать каждый сантиметр, ища следы от обуви. А все потому, что дорога здесь не из скальной щебенки, песчаная. Следы человека определить на ее светло-серой массе нетрудно, так как по краям осталась глубокая колея от колес техники.

Нашел место, где она нарушена, и выстрелил. Взрыва не последовало. Это говорит о том, что в мину не попал. Но тут же вспомнились недавние занятия по саперному делу, когда сержант инженерно-саперного взвода, выступавший перед ними, сказал, что пуля, попав в противотанковую мину, если та не установлена на неизвлечение, ее не взорвет. Пуля не камень весом двести – триста килограммов.

Что делать? Как предупредить движущуюся сюда колонну о заминированном участке?

## Глава 5

### Засада

#### 1

– Оружие к осмотру! – Сказав эту фразу, старший лейтенант Баталов отметил про себя, что в горле першит, но флягу, чтобы сделать несколько глотков воды, снимать с ремня не стал, пригодится позже. Найдя глазами дневального, сказал ему, чтобы тот принес кружку воды.

– Товарищ старший лейтенант, так мы ж не в караул идем, – занял Сергей Скрипкин.

– Че, Скрип, хочешь наряд заработать и пойти не на войну, а в столовую чистить картошку? – под громкий смех ребят спросил у него ефрейтор Серегин.

«Смех – это то, что сейчас надо!» – улыбнувшись, подумал Баталов и стал осматривать у бойцов, стоявших к нему спиной, открытые патронники их автоматов.

Да, он понимал, что делает проверку оружия у своих солдат для формальности. Каждый из них знает, если патрон заслан в ствол, то, значит, нужно быть осторожным и держать оружие на предохранителе.

Обойдя всю шеренгу, приказал бойцам спустить курки, поставить оружие на предохранитель и вставить магазины.

Вода, принесенная дневальным, была очень холодной, так сказать – свежей, из реки. Поэтому сделав небольшой глоток из кружки, задержал ее во рту, согревая, и только через некоторое время глотнул. Потом, сделав еще несколько небольших глотков, скомандовал:

– По машинам. – И, вернув кружку дневальному и шагнув к машине, остановился, в ожидании двух приближающихся к нему людей.

Одного из них хорошо знал, это лейтенант Малик Туробов из агитотряда. С ним Баталов уже не раз ходил на боевые действия. Малик – переводчик, по национальности таджик, родом из Душанбе. Второй, афганец, из пехотной дивизии, придан им в помощь. Зовут его Изатулла, а вот фамилии, как она звучит точно, не запомнил, то ли Абдалла, то ли Абдулла.

– Салам, бача, – первым окликнул Виктора Малик и, крепко пожав старшему лейтенанту руку, подтолкнул к нему своего товарища.

– Ас-саламу алейкум ва-рахмату-Лла́х, – теперь первым поздоровался Баталов, желая Изатулле мира и милости Аллаха.

– А-а, здрасьте, – широко улыбнулся тот и, обняв его ладонь своими, начал легонько ее трясти.

Человек он худощавый, а если точнее сказать, тощий, как и сам Малик. На вид ему около двадцати лет, а может, и больше. Но если судить по капитанским погонам, то около тридцати.

При вчерашнем знакомстве с ним майор Беленков просил Виктора прислушиваться к мнению Изатуллы. Это и понятно, он афганец, хорошо знает местные законы, обычаи и традиции, и сегодня это им должно пригодиться. И почему, понятно, в кишлаке, как и в ближайшей его зоне, будут не только советские солдаты, но и моджахеды – воины Ахмад-Шаха.

Думается, все пройдет нормально, будут улыбаться друг другу, чаю или кумысу предложат. По-другому не будут себя вести, хоть и хозяева здесь, но шурави им не по зубам. Да и переводчик старший лейтенант Малик Туробов из агитотряда говорил, что у восточных людей, когда к ним приходят гости, те дружелюбны с ними. Так бы на войне было.

– Бойцы, уступите им место с той стороны машины, – приказал Баталов солдатам и, пропустив вперед гостей, помог Изатулле, идущему за Маликом Туробову забраться на машину.

Расположившись у люка механика-водителя, Баталов махнул рукой саперам, сидящим на танке, мол, начинаем движение. Танк, качнувшись, двинулся. У этих ребят нелегкая задача. Минный трал, прицепленный к этой машине впереди, в любую секунду может наехать на мину, тогда произойдет взрыв, и если солдат не заденут ее осколки, то звуковая волна от разорвавшегося снаряда мимо них не пройдет. А это значит, могут получить разной тяжести контузии.

Что говорить, на войне у каждого своя профессия!

Механик-водитель Сашка Охромеев, задрав голову, не сводил глаз со своего командира.

– Чего сидим? – улыбнулся Баталов и, махнув рукой, скомандовал: – Вперед?

Танк, продавливая гусеницами прибрежную гальку и оставляя после себя неглубокую колею, выбрался на дорогу, бегущую по краю скал. Если ехать по ней без остановок, то через пятьдесят шесть километров она выведет их из ущелья Панджшера на дорогу к Кабулу. После останется только преодолеть Чарикарскую долину, потом ущелье, разделяющее районы Дехсабза и Пагмана и они в своей воинской части, расположенной у Кабульского аэропорта. Единственное место, где можно, расслабившись хотя бы на несколько часов, принять душ, выстирать одежду и забыться в коротком сне.

Когда это произойдет, догадаться несложно, совсем-совсем скоро, после сегодняшних переговоров их командира со Львом ущелья Панджшера. Да, что говорить, пусть хоть как его называют афганцы, а Ахмад Шаху некуда деваться, многие его банды разгромлены советскими и афганскими войсками, уничтожены десятки, а может, и сотни складов с боеприпасами и оружием. В данный момент Лев бессилен, но хитер – запросил пощады, переговоров.

Но мысль о скорейшем окончании войны в Панджшере не успокаивала Баталова. С одной стороны, он понимал, что переговоры пройдут спокойно, Масуд знает, что еще хоть одна пролитая капли крови у десантников, обойдется ему полным уничтожением. И его самого, и его вооруженных формирований.

Ахмад Шах и в прошлый раз так поступил, ставя ударение на том, что нужно прекратить войну, предлагая шурави и республиканским войскам какие-то уступки. Какие? Это не его дело – Виктора Баталова. Он всего лишь солдат. Политикой занимаются другие люди. Сегодня у него задача быть охранником, и если что, то предпринять все меры, чтобы спасти командира.

Хочется верить, что сегодня переговоры пройдут спокойно. Но это как сказать. На вчерашней встрече с представителями особого отдела он понял, что Ахмад Шах и в своей среде не защищен. Слышал, что и на него открыта охота. Многие местные ханы, полевые командиры хотят овладеть Панджшером, его несметными природными богатствами – лазуритом, золотом, серебром и другими ценными ископаемыми. В том числе и этим ущельем, с помощью которого можно иметь большую мзду от торговцев, доставляющих в Афганистан различные товары из Пакистана, Китая.

Эта мысль не давала Баталову возможности забыться и в коротком ночном сне: продумывал до мельчайших подробностей то, где в кишлаке расположить боевые машины пехоты, создать огневые точки, засады.

Выдвинувшиеся с ним два взвода десантников из соседнего батальона позволят ему создать здесь плотное кольцо защиты командиру части. Повыше, он догадывался, располагалась дивизионная разведрота и еще один разведвзвод, плюс с десятков мини-групп. Но это опять же только его предположение, начальник разведслужбы ему об этом ничего не сказал, а только дал понять, что душманам там будет очень тесно. И при этом же не стоит забывать хорошей поговорки: «На бога надейся, а сам не плошай».

## 2

Солнечные лучи растворили до прозрачности ночную серость в утреннем воздухе. Ветер гнал пыль, поднятую танком в сторону скалы. Но, к сожалению, у него силенок не хватало,

чтобы полностью от нее очистить дорогу, и поэтому остатки ее догоняла БМП Баталова. Но, что хорошо, очертания танка ему были хорошо видны. Второе, что еще раздражало, это запах горячего масла, идущий от двигателя машины.

Танк резко сбавил скорость. Почему, понял и сам Баталов, увидев яркие блики солнечных зайчиков со скалы. А это говорит только об одном – о приближающейся опасности.

– Сорок четвертый, сорок четвертый, прием! – обратился через шлемофон к командиру танка Баталов. – Давай примем влево, пойдем по берегу реки. Кустарник прикроет нас от снайперов.

– Понял. Работаю, – ответил тот. И танк, врезавшись в кустарниковую поросль, скрылся в ней.

– За ним, – приказал механику-водителю Баталов.

Расслышал ли его приказ солдат (?), скорее всего, нет. Но это и неважно, так как каждый механик-водитель боевой техники знал главные правила войны. Если едешь в колонне, то по следу впереди идущей техники, тогда целее будешь.

Световые блики с горы – это говорит об одном: в тебя целится снайпер или кто-то наблюдает за тобой в бинокль. И кто, понятно, противник. Он ли, ни у кого вопросов не возникает, так как они могут стоить жизни.

Танк шел по краю зеленки, тем самым прикрывая людей, сидевших на его броне, за плотно растущими деревьями и кустарниками. В принципе ход правильный, ни гранатометчик, ни пулеметчик, прячась в глубине зеленки, не сможет открыть по колонне бронетехники точный огонь, ему будет мешать растительность. А значит, для противника останется один выход, выйти на открытый участок. А это для него будет в первую очередь смертельно опасным шагом, так как на каждой машине сидят по семь – десять молодых и в то же время опытных бойцов, с хорошим зрением и до зубов вооруженных. Они в любую секунду готовы открыть огонь по душманам, если те появятся спереди, сзади или сбоку колонны.

Больше световых бликов со скалы Баталов не заметил. Да в принципе это было и не возможным, так как в этом районе очень плотно росли деревья – ивы, миндаля, маслины. Деревья и кустарники скрыли от них скальные вершины.

Взрыв, раздавшийся в зеленке в метрах пятидесяти впереди от них, был не слышен, но зато хорошо виден. Поднявшаяся за ним стена пыли говорила о том, что нужно остановиться и занять оборону. Но Баталов эту мысль не реализовал.

– Сбавить ход! – приказал Виктор механику-водителю и, дав команду бойцам спешиться слева от машины, первым спрыгнул с нее.

Так сделали и остальные бойцы из других БМП, идущих сзади, кроме саперов.

– Вот, блин, сучки, а! – выругался Баталов, но больше он ничего сделать не мог, так как в БМП остались только механик-водитель и оператор-наводчик.

Пушка развернулась чуть вправо. Баталов прибавил шаг, чтобы бежать чуть-чуть впереди машины. Мысль догнать танк отвлекла новая ситуация.

Выстрел с продолжившимся шумом взлетевшей с зеленки реактивной ракеты и оставившей после себя в воздухе дымный шлейф, говорила о том, что этот снаряд был выпущен из гранатомета. Высоко поднявшись, он стал терять свою скорость и после, когда реактивный заряд сгорел, снаряд, подчиняясь гравитации, начал падать вниз.

Несколько выстрелов из пушки БМП в сторону зеленки, скорее всего, был сделан не по цели, а так, для острастки.

Гранатометный снаряд упал в той стороне зеленки. Причин выпуска его вверх могло быть несколько, или после выстрела он, вскользя ударившись о ствол дерева, рикошетом пошел вверх. Либо стрелок по какой-то причине, потеряв равновесие, падая на спину, выстрелил вверх... Только так.

Техника, не прекращая движения, быстро преодолела пыльную стену, образовавшуюся после взрыва.

Танк, шедший впереди, сбавил ход, дав возможность идущей за ним с малой скоростью боевой технике, догнать его. Но Виктор, махнув командиру танка – не останавливаться и продолжать движение, – не дал команды бойцам занять свои места на броне, а продолжал бежать вперед, не отставая и не перегоняя свою БМП.

## Глава 6

### Первый выход вторым номером

#### 1

Геннадий спрятал зеркальце в потайной карман «лифчика». Досталось оно ему от Виктора Сватова, демобилизовавшегося со службы несколько месяцев назад, вместе с хорошими советами. Снайпером он был в их разведывательном взводе легендарным. Говорят, мог стричь бороды моджахедам. Так ли это, Генке проверить не удалось, так как чайникам зеленого света пообщаться с дембелями не давалось. Иногда только, когда тех «развезет» после стограммчика, закурят и, допустив салагу к себе в курилке, начнут что-то вспоминать из своих боевых походов.

Вот и сегодня его зеркальце, может, и сыграло свою положительную роль: техника, идущая по дороге, после его «зайчиков» ушла в сторону, за зеленку, чего, скорее всего, и не ожидали душманы, попытавшиеся создать на дороге минную засаду.

Но это еще не успокаивало Геннадия, понимавшего, что душманы могут принять еще одну возможность перехвата боевой техники, и продолжал следить за тем участком, на котором моджахеда попытались заминировать дорогу. И не ошибся.

Три фигуры, быстро перебежавшие дорогу, тут же вернулись назад. Припав к окуляру прицела, Дашков проводил их во второй раз, отметив точку их конечной остановки. И когда те вернулись назад, нашел их груз, который они складывали в кустарнике с той стороны дороги. Это были противопехотные мины.

Душманы торопились. Задача их стала понятной. Установить эти смертельные «цветочки» с той стороны зеленки на пути следования техники. А вот и группа их помощников, появившихся у дороги и что-то кричавших своим, сильно жестикулируя руками.

Одного из них Геннадий поймал в прицел. Это был худощавый бородач в возрасте. Он торопился, но не убегал в зеленку, видно чего-то не хватало ему. «Это» принес ему один из афганцев, но видно не то, что нужно. Рассматривая эти «штуки», он показывал их своему помощнику и что-то кричал. Тот убежал назад, а сапер, так его окрестил Геннадий, присев около мины, начал в ней копать.

«Этим» и оказался взрыватель, который не удавалось вкрутить.

Набрав в легкие воздуха, Геннадий приложился к прицелу и начал аккуратненько выискивать среди рук моджахеда ту самую важную точку, которая могла бы если не взорвать этот страшный механизм смерти, то хотя бы испортить его. Одной рукой моджахед придавил мину к земле, второй пытался вкрутить в нее взрыватель. Вот его стержень.

Геннадий, боясь сделать лишнее движение, чтобы не сорвать винтовку с миллиметровой привязки ее к цели, аккуратно надавил на курок.

Взрыв, окутавший местность пылью, подтвердил правильность выбора цели. Успел бы тот моджахед установить ту мину перед приближающейся к нему боевой техникой, трудно сказать. Но теперь он, взлетев со своими минами в небеса, не опасен.

Новая точка, появившаяся на дороге через полминуты после взрыва, привлекла внимание Дашкова. Это был моджахед, упершийся на колено и устанавливающий в трубу гранатомета реактивный выстрел.

Снова глубоко вдохнув в себя воздух, Геннадий стал целиться в него. Но доли секунды не хватило, чтобы произвести выстрел. Душман, зарядив гранатомет начал углубляться в зеленку. Найдя его удаляющееся тело, Дашков нажал на курок и... опоздал?



После хлопка взлетевшая со свистом граната в небо подсказала Геннадию, что он успел справиться со своей задачей. Убил он гранатометчика или нет, роли уже не играло. Граната вылетела из его ствола в другом направлении, вот что главное, не поразив ни бронетехники, ни личного состава. По ее приземлению без большого разрыва стало понятным, что она кумулятивная. То есть назначалась для пробивания брони.

## 2

Решение Мужика спуститься к дороге и перебраться к кишлаку по зеленке Геннадий принял как расстрельную статью. Куда и храбрость делась: в ногах дрожь, в спине холод. Но ничего сказать против этого не осмелился, Андриенко понимал, что делает. Жить небось тоже хочет.

Старался не отставать. Спуск в этом месте был крут, несколько раз поскальзывался, больно ударяясь то левым, то правым коленом о камень. Хотелось вскрикнуть, погладить или почесать ушибленное место, поплакаться. Но Андриенко не останавливался, то катился вниз, будто циркач на колесе, то как альпинист, ложась животом на вертикальную стену, скатывался вниз, быстро перебирая руками.

Геннадию ничего не оставалось, как пытаться повторять его действия. Даже не заметил, как слетел на ровную часть склона. Удар пятками о каменную поверхность приняли почки, аж дух захватило. Но перед глазами Мужика не было, а только два окровавленных трупа душманов, с открытыми ртами, словно просящими его помощи.

Но Дашкову было не до этого, побежал к дороге, перескочил ее, запнулся и, проехав коленями вперед, увидел, что его могло остановить, круг мины, вылезший из песка. Кинулся к ней, чтобы выкинуть ее с дороги, но крик Мужика пригвоздил его месту:

– Дурак! Назад!

Шлепок по скуле был достаточно сильным, прикусил язык.

– За мной!

И больше ни о чем не думая, Дашков полез между плотно растущими деревьями за Мужиком. Нога скользнула по стволу, это были сгустки крови. Но искать, чья она, не было времени, Андриенко хоть и был рядом, но перебирался через заросли очень тихо, и нужно было не отставать. И невольно Геннадий обратил внимание, что неосознанно шепчет про себя одну и ту же фразу: «Не отставать! Не отставать! Не отставать!».

Раскуроченная от свежего взрыва поросль и попытки переступить через раскиданные стволы тонких деревьев и ветки, отметил, что Мужик кинулся резко вправо и, опустившись на колено, притаился. Так же сделал и Геннадий и стал прислушиваться. Но ничего, кроме гула уходящей техники, ему расслышать не удалось. Поднятая рука Мужика говорила о том, чтобы он не двигался.

Александр ткнул рукой влево от себя, Геннадий закрыл рот и услышал стон невдалеке от себя.

Мужик показал ему рукой двинуться туда и посмотреть, кто ранен.

Это был афганец, повисший на срубленном от пуль стволе дерева. Два темно-красных широких пятна на спине, в области сердца, говорили о том, что человеку уже не помочь. Но, сдавив зубы и затаив дыхание, Дашков приблизился к нему и, ухватив за длинные волосы на затылке, развернул его лицо к себе. Это был афганец, не шурави.

– Не наш, – еле двигая сухим языком, громко сказал Геннадий.

– За мной! – скомандовал Мужик.

И снова бег, вернее, быстрое перелезание через плотную поросль ивняка с маслиной, острый слух и боязнь потерять старшего товарища.

Наткнувшись на спину Мужика, чуть не кувырнулся через него, но, вовремя схватившись за дерево левой рукой, лег на его спину.

Александр в ответ ничего не сказал, замер как истукан, прислушиваясь.

В нескольких метрах от них просматривалась сломанная, раздавленная гусеницами поросль зеленки. Где-то рядом, по шуму воды, была и река.

Отряхнувшись от упершегося на его спину Дашкова, Мужик двинулся вправо. Дашков старался не отставать, к счастью, тот не торопился, шел медленно, прислушиваясь. Поэтому и Геннадий старался повторять его действия, осматривая места, куда ставить ногу, выбирая более свободный от деревьев проход, чтобы не двигать их тонкие стволы. Он понимал, как это важно, ведь сверху сидящим людям по движению верхушек деревьев и кустарников легко определить пробирающихся по плотно заросшей зеленке людей.

Мужик остановился у дороги. Геннадий не стал к нему прижиматься, ждал действий Андриенко.

Через несколько минут тот вернулся и, углубившись на десять метров в заросли, пошел дальше в сторону кишлака.

Быстро шли или медленно, трудно определить. Испаряющую ладонь правой руки, державшую немножко навывтяжку ремень винтовки, закинутой на спину, хотелось спрятать от веток. Но этого не делал – привычка. Она сложилась у него еще несколько лет назад до армии, когда отец брал его с собою на охоту. Правда, своего ружья сыну он носить не давал, а только рюкзак. А куда тогда было еще деть руку? В кармане она мешала движению, а размахивание ею давало сильнее сдавливать грудь и плечо ремню рюкзака. Это сначала он, почти не заполненный, казался легким, но со временем десятков патронов, литровый термос с чаем, сложенный в кулек шомпол становились тяжелее и тяжелее. И ремень от этого все больше врезался в тело, и ничего не оставалось, как ухватиться в него и оттягивать на несколько сантиметров от груди.

А винтовка с рюкзаком в несколько раз тяжелее той охотничьей амуниции.

– Чи! – присел Мужик, подняв руку вверх, приказывая Дашкову замереть.

И обернувшись к Геннадию, кивнул, чтобы тот за ним не шел, а ждал.

Появился он минут через десять, а может и двадцать. Дашков, ожидая его, весь изнервничался, прислушиваясь к различным звукам.

Мужик появился слева и, приложив указательный палец к губам, махнул головой, чтобы Дашков тихо двигался за ним.

Вышли к краю дороги. С той ее стороны широко раскинул ветки кустарник, напоминающий иву, но листва у него была седой. Александр в несколько шагов перепрыгнул под него и, махнув Геннадию рукой, скрылся в его ветках.

– Сейчас полезем на скалу, – дождавшись Дашкова, шепчет он. – Слева в ста метрах расщелина, но по ней не полезем, навряд ли там чисто. – И, резко подняв палец, прислушался.

Громки звуки мотора невдалеке двигающегося танка отвлекли внимание Геннадия и Александра.

– Молодцы! Так и нужно. – И, потянув за собою Геннадия, Мужик двинулся вперед.

Каменный скол, висевший над ними, спрятал лучи солнца. И только сейчас Геннадий почувствовал, как сильно вспотел. Сильный запах пота, выбивавшийся из-под воротника мокрой одежды, своими неприятными тошнотворными запахами щекотал нос.

– Не спи! – И, ухватившись за толстый ствол ивы, Мужик полез по нему наверх.

Геннадий, увидев, что Андриенко уперся ногой о камень и в течение нескольких секунд исчез за скальным козырьком, не теряя времени, начал карабкаться по веткам за ним.

Александр не ждал своего напарника, а, став на карачки, поднимался по почти вертикальному склону скалы вверх. Александр старался не отставать от него.

К счастью, этот подъем был недолгим. Он заканчивался маленькой грядой с нешироким выступом, упиравшимся в следующую вертикаль. Но, к большому сожалению, и недлин-

ным. Метров через пятьдесят пришлось ложиться всей грудью на камни, и, чуть-чуть переступая ногами, лоя подошвой хоть какие-то выступы, ползти дальше. За телом Мужика не было видно, как долго они будут так двигаться.

Разбив о камень губу, громко сопя, Дашков, лоя ладонями ямки и выступы, впивался, как улитка, своим телом в них. Только у нее по сравнению с ним было огромное преимущество, ее тело состояло из присосок, выпуская липкую слизь. У Геннадия, кроме потрескавшейся кожи на ладонях и пальцах, с сорванными до крови ногтями, кроме тела и желания не упасть, больше ничего не было.

Александр исчез. Куда?

Из-за появившейся дрожи в коленях чуть не потерял равновесия и не полетел вниз. Сделав еще несколько шагов в сторону, не удержался и плашмя поехал по каменной стене вниз.

Но крикнуть от испуга не успел, почувствовав, что его кто-то ухватил за штанину и придавил к стене.

– Тихо, сползай-сползай... – сухой голос Мужика успокоил.

Расставив пальцы ладоней, стал сползать дальше, пытаясь вытянуть напряженные ступни, ища ими то самое место, в которое они должны упереться.

И когда это произошло и став твердо на ноги, сорвался, громко прошипев, выпуская из себя воздух, скопившийся в груди.

– Успокойся, здесь безопасно. – Голос Мужика стал спокойнее. – Здесь, скорее всего, ты и останешься. Вот это будет твоя зона внимания, в принципе и моя, – провел рукой впереди себя. Пойма, река, зеленая зона, за ней скала. – Хотя нет, это моя будет зона, опыта-то у тебя еще нет. Ты будешь работать по кишлаку, тебе отдаю зеленую зону за ним и скалу. Справишься?

## Глава 7

### Ожидание

Старший лейтенант Баталов не стал запираť танком дорогу, тянущуюся по ущелью со стороны Пакистана. Там, невдалеке, стояли полевыми лагерями две воинские части – советская и афганская, так что душманы навряд ли попытаются с той стороны провести хоть какую-то атаку. Будут как на ладони.

Да и под скалой опасно держать боевую технику. Душманам легко ее расстрелять из того же гранатомета. Поэтому он «отодвинул» танк от горы и от зеленки, поставив его рядом с кишлаком, вблизи от дома, в котором ожидаются проведение переговоров командира дивизии с Ахмад Шахом. Боевые машины пехоты расположил тоже вокруг этого дома, так, чтобы под их осмотром находились как дорога, так и пологий спуск со скалы, и река с поймой, и зеленая зона – дикий фруктовый сад. Основная часть личного состава заняла оборону здесь же, и несколько огневых точек спрятал в закрытых участках для осмотра из боевых машин пехоты.

Какую оценку он бы получил сейчас за такую расстановку своих сил у начальника по тактике кафедры военного училища, полковника Иванова, невольно задумался. Представил себя стоящим у ученической доски с прикрепленной картой. На ней указан кишлак, состоящий из десятка домов. С юго-восточной стороны его окружают скалы, с северо-запада – река с широкой сухой поймой с юго-запада и узкими полосами леса (зеленки), вернее, дикого сада из шелковицы, сливы, абрикос, по берегу реки Панджшер.

Этот человек прошел всю Великую Отечественную войну, от «зеленого» командира взвода, до начальника штаба полка. Он с легкостью расщелкивал, как семечки, планы обороны командиров взводов, рот и батальонов, в роли которых были курсанты. Вот и сейчас он смотрит на старшего лейтенанта Баталова и качает головой: «А если...»

Но, задумавшись, через минуту все же задал вопрос, показывая на восточную часть кишлака, спрашивая: «Здесь небольшое ущелье. Вы учли, что душманы могут воспользоваться им?»

«Так точно, – подошел с указкой к карте старший лейтенант Баталов. – С одной стороны здесь, на вершинах, расположены несколько групп третьего батальона. Их силами был захвачен склад душманов с оружием и уничтожена его охрана. По договору с полевым командиром Масудом, у выхода из ущелья находится его охрана в количестве тридцати – сорока человек. И несколько групп в зеленой зоне со стороны северной части ущелья Панджшер. На встречу с командованием советской дивизии он придет под охраной небольшой группы своих моджахедов».

«Хм, – покачал головой преподаватель, – ваш командир уверен в том, что эта встреча произойдет спокойно? Не уверен? Неужели Ахмад Шах считает здесь себя полнокровным хозяином? Неужели на него не ведется охоты со стороны других полевых командиров, афганских партий?»

И отметив растерянность Баталова, взяв со стола указку, обвел ею участок разрушенных домов, расположенных у зеленки, тянущейся вдоль скалы в сторону северной части ущелья Панджшер, и остановил ее кончик на горной части:

«Здесь, судя по пологому скату скалы, можно расположить минометы, ДШК, снайперов, которые, не ввязываясь в бой, уничтожат Ахмад Шаха с командиром вашей дивизии. Или кого-то из них. Расстояние около километра, не больше. И обзор точки, где будет происходить встреча, очень хороший, – сказав это начальник кафедры вопросительно посмотрел на старшего лейтенанта Баталова и продолжил: – Вы не подумали о такой возможности? Или вы мне

не все доложили? – пробежал пальцами по столу преподаватель. – На этом склоне расположена какая-то группа советских или афганских войск?»

«Виноват! Не учел», – с трудом глотая слюну, ответил ему старший лейтенант и через бинокль начал внимательно осматривать ту сторону скалы.

То, что Виктор Баталов иногда «обращался за помощью» к своим преподавателям военного училища, вошло в привычку. Умение критически подходить к решениям, которые ему на боевых действиях приходилось принимать в экстренном порядке, только помогало. А метод, который использовал, считал самым подходящим.

Единственное, что не позволяло внимательно осмотреть то место, низкая кратность бинокля. Иногда для этого он использовал прицел снайперской винтовки, держа рядом с собою Геннадия Дашкова. Но сейчас его рядом с ним нет и больше не будет. Парня перевели в снайперский взвод. Можно, конечно, было его отстоять, но! Если бы не было этого «но», имя которому Иваков. Ситуация в отношениях между салагой и дембелем очень накалилась во взводе, у младшего сержанта «крыша поехала», думает, что Дашков ищет момент убить его. Да уж...

– Товарищ старший лейтенант, слышали? – подбежал к нему механик-водитель Охромеев.

– Что слышал? – повернулся к нему Баталов.

– Хлопок. Вот еще один, кажется, там, – солдат махнул рукой в сторону скалы, о которой ему только что «задавал» вопрос преподаватель – полковник Иванов.

– Нет, оттуда выстрелы были, товарищ старший лейтенант, – покачал головой гранатометчик Сидорцев. – О-па, так по нам стреляют! – И, пригнувшись, прячась за броню машины, показал рукой в сторону соседнего хана (дома). Вон пыль поднялась на дувале, прячьтесь!

Это дом был в метрах тридцати от них. Старший лейтенант, невольно присев, стал искать ту поднятую пыль на заборе, о которой говорил Сидорцев. И чуть не матернулся, увидев в том месте появившуюся голову пулеметчика ефрейтора Серегина.

– Боец! – крикнул он. – Что там забыл?

– Так, товарищ старший лейтенант, на доме крыша не выдержит меня, а дувал здесь широкий, метра полтора. Да и повыше он, чем хана.

– Так ты стучал?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Штык-ножом вычищаю место, палки торчат, в живот упрутся.

– А ну-ка еще пару раз так же сильно ударь ножом! – крикнул ему Сидорцев. – Сверим, от тебя этот шум был.

Пулеметчик сделал несколько ударов ножом по глинистому забору.

– Вроде бы он, – посмотрел на старшего лейтенанта Сидорцев.

– Похоже, – кивнул головой Охромеев.

– Все правильно сделали, что предупредили, – похвалил механика-водителя и гранатометчика Баталов. И снова посмотрел в сторону пулеметчика. Ефрейтора на дувале не было видно и крикнул: – Серегин, ефрейтор, где ты там?

– Так все здесь я, товарищ старший лейтенант, – поднял тот голову. – Обзор у меня хороший, на все триста шестьдесят градусов. Здесь выемка в дувале, вот и не видно вам меня.

– Ничего себе. Может, и мы туда полезем? – спросил кто-то из солдат.

Но Баталов на этот вопрос не обратил внимания, а посмотрел на зеленку, в сторону, которую только что «обсуждал» со своим мнимым преподавателем полковником Ивановым.

Вроде бы ветки скрывали обзор той высоты и, направившись в сторону дувала, на котором организовал себе огневую точку пулеметчик.

– Миша? – окликнул он ефрейтора. – Как к тебе можно забраться?

– А смотрите прямо себе под ноги, товарищ старший лейтенант. Левее, левее, ага, под кустарником яма, видите?

Виктор Баталов от удивления присвистнул.

– А чего молчал, что здесь подземный проход? – спросил он у ефрейтора.

– Это разве подземный проход. Всего лишь дыра в заборе. Она была соломой прикрыта. Наступил ее на свою голову и провалился. Хорошо неглубокая, – говорит Серегин, – только ойкнул с испугу. Смотрю, во дворе никого, в доме – тоже, колодец пустой, неглубокий. Здесь лесенка есть, по ней и забрался, сначала на крышу, а на ней ветки тонкие, чуть не провалился внутрь дома. Идите сюда, товарищ старший лейтенант, все покажу вам.

Виктор прыгнул в яму, пробрался на коленях через забор и вылез наружу. Во дворе земля была покрыта мелким гравием, из скальной породы. У края стены сделаны кормушки для животных – овец, коров, только не из досок, а из глины. По раскиданным по двору окатышам навоза догадаться нетрудно, здесь держат овец.

– Вот справа лестница, поднимайтесь сюда, – окликнул старшего лейтенанта сверху ефрейтор Серегин.

Лестница была сделана из толстых веток, в диаметре сорока – пятидесяти миллиметров, местами, потрескавшимися от сухости. Дерево чистое от коры, блестит в лучах солнца, поперечные ветки, по которым поднимался, в два раза тоньше. Но вес Виктора держат.

Осторожно поднявшись к пулеметчику, старший лейтенант стал осматривать всю территорию кишлака. Какая-то часть не просматривалась из-за крон деревьев. Дом, в котором планировалась встреча командира дивизии с главным душманом, была как на ладони.

– Та часть дувала, что за домом, такая же широкая? – спросил он у пулеметчика.

– Да. Так там Скрипкин Серега. Серега? – крикнул пулеметчик. – Иди сюда.

– Что надо? – появилась долговязая фигура солдата. – А, это вы, товарищ старший лейтенант.

– Иди на свое место, сейчас подойду, – ответил ему Баталов и начал просматривать ту часть скалы, разделенную от кишлака неширокой полосой зелени. С восточной стороны скала почти вертикальна, и огневые точки, занятые Серегиным и Скрипкиным с их вершины хорошо просматриваются, в принципе, как и танк, боевые машины пехоты. А вот с северной стороны видны, скорее всего, только крыши домов и верхняя часть дувалов. Не больше.

– Миша, меняй место. Ты со спины не прикрыт, – прошептал Баталов.

– Вниз, что ли, спуститься? – спросил пулеметчик.

– Нет-нет, вперед проползи метра на два, под ветки того дерева.

– А-а, под шелковицей, понял. Да и одежда у меня вся выгорела, товарищ старший лейтенант, так что навряд ли они меня увидят со скал на фоне дувала.

– Кто его знает. Давай лучше так, как я сказал. – И, поднявшись, направился по дувалу на ту сторону дома...

В принципе Баталов за то короткое время, которое ему было дано для организации обороны этого участка, постарался все учесть.

Что-то отвлекло его от осмотра северной скальной части, обернулся назад. Что заставило это сделать? Стоящие на броне танка люди? О, так это же афганцы, что-то громко обсуждавшие с переводчиком Маликом. Понятно, говорили на афганском, это и отвлекло его внимание. Но что они там забыли, смотрят тоже на дорогу, идущую с севера?

Не оттуда же должен прийти на переговоры Ахмад Шах или кто-то из его приближенных. А с восточной стороны, где пологий спуск скалы. Так говорил ему начальник разведки. А время-то уже приближается к указанному полдню, сорок минут осталось.

Слез с дома, через щель перебрался наружу и пошел к танку.

– Малик, вы чего здесь столпились? – спросил он у старшего лейтенанта.

– А, товарищ старший лейтенант, – прыгнул тот с танка и направился к нему навстречу. – Так Изатулла говорит, что Ахмад Шах не пойдет там, где есть русские и афганские войска.

Он умный командир, он знает много троп, по которым и спустится к нам. И он, скорее всего, уже здесь.

– Скажешь такое, – вытащив из кармана флягу, Баталов сделал из нее несколько глотков и протянул ее Малику, – будешь?

– Нет, спасибо.

– И веришь ему?

– Так да. Они афганцы, знают, что говорят. Главное, чтобы ваши солдаты его нечаянно не убили, – прищурился Туробов.

– В разведке глупых солдат не держат, – сплюнув в сторону, сказал Баталов. – И дураков – тоже. Смотрю, волнуешься, плечо дрожит?

– Так еще не зажило, – вздохнул Малик.

– Извини. – Баталов хотел было похлопать по плечу Туробова, но вовремя удержал руку. – Вы будьте здесь, наше время уже у финиша.

– Ждем уже, – ответил тот.

– Ладно. – И невольно резко оглянулся назад...

## Глава 8

### За минуту до часа пик

Мужик расположился левее в метрах десяти. Можно было и разговаривать, но, когда Геннадий начал задавать вопрос Андриенко, тот повернулся к нему и приложил указательный палец к губам, требуя молчания.

– Так я хотел узнать, – сглатывая слюну, продолжил Генка, – а как понять это – вдруг что, стрелять.

Тот в ответ постучал пальцем по виску – сам думай.

– Понятно, – прошептал это слово, Дашков выдохнул из себя воздух. – Ну, как хочешь. – И, расположившись на небольшой каменной выемке, Геннадий начал умащивать перед собой винтовку, двигаясь то влево, то вправо от нее, ища более удобное положение для своего тела. – Вот так лучше! – по привычке выпалил он, забыв о предупреждении своего первого номера вести себя тихо.

Но, как говорится, опомнился. Не стал смотреть в сторону Мужика, а, припав к окуляру прицела, стал осматривать кишлак, распложенный почти под ним. Понимал, что нужно начать с изучения местности, разбив ее на несколько участков. Потом запомнить расположение на ней всех стационарных предметов – домов, деревьев и не стационарных – людей, боевой техники, расставленной их командиром взвода Баталовым.

«Что-то он скучковал ее в одном месте, разведчик называется».

Но останавливаться на этой мысли Геннадий не стал, не его это дело, перед ним стоят другие задачи. Стал искать своих любимчиков – дембелей. На это долгого времени не потребовалось: сержант Спелов, как барон, расселся на одном из дувалов и курит.

«Блин, вот дурак, а! – выругался про себя Дашков. – Для всех на виду, и снайперской винтовки не нужно, чтобы его снять, что отсюда, что с той скалы, что, напротив, за зеленкой. Может, пугнуть его, когда возможность появится? О, прищурился, загорает. Ну, ничего, товарищ сержант, может, как-нибудь еще и поквитаемся с тобою за твой дембелизм-дебилизм, как и с Иваковым! Придет время, подождем!»

Дрожь после этой мысли охватила тело Дашкова. Раньше такого не было с ним. Вчера это чувство он испытал впервые, когда открыл огонь по отряду душманов, пытавшихся напасть на группу Ивакова.

Напрягая мышцы в руках, в плечах, грудной части тела, приостановил на несколько секунд свое дыхание. И – отпустило.

Да, вовремя он перешел к снайперам, а не то бы. А что бы он сделал, когда те в очередной раз запрыгивали на спину чайников и издевались над ними. То они у них вместо лошадей, то испуганных баранов, которых нужно загнать в стойло, то скамейки...

Боль от прикуса губы и сладковатый вкус крови привел Геннадия в себя. Все, он теперь не там, в казарме, а здесь, на горе. А что это значит?

Приблизил тело развалившегося на дувале сержанта Спелова. Так хочется замереть и легонечко нажать на курок, только не надавить до конца на него, а так, представить, как пуля лупанет по глине дувала, совсем рядом с этим дембелем, посмотреть, как в этот момент от испуга исказится лицо Спелова.

Нет, тень пули он не увидит, у нее скорость очень большая. Но это с какой стороны смотреть на эту ситуацию. Если это сделать и не раз, то крыша со временем у Спелова поедет. О своем испуге он никому не скажет, а вот внутри его чувство боязни будет нарастать, и со временем, если это не раз повторится, уровень испуга выйдет из своих допустимых границ, и



– все. И появится у него белая горячка, как у хронического алкоголика. И будет ему сниться эта пуля, как она за ним гоняется.

Он будет издалека видеть ее тень, слышать ее звук. Но крыша у него поедет позже, когда он ее будет «видеть» уже не во сне, а наяву – не только на боевых действиях, а в столовой, в казарме, в туалете. Да где угодно!

А солдат в их части каждый год такая горячка находит. До сих пор в его памяти встреча с одним из них, которого помогал водителю медсанбата успокоить в машине. Парню казалось, что везде за ним пуля гоняется, он видел ее тень. Тень!

Спелов курил. На вид спокоен, хотя четко лица его в прицеле не видно, а только маленькое его пятнышко под панамой.

Но Геннадия больше всего хотелось видеть не его лицо, а на месте его своего прямого командира отделения – младшего сержанта Константина Ивакова. Это зверь! Вот кого бы ему очень хотелось поучить жизни. И это он обязательно сделает, только не сейчас в Афганистане, а после, когда уйдет на дембель. Он уже знает его адрес – выучил наизусть. И обязательно с ним свидится, один на один, где-нибудь на темной улочке-переулочке, неожиданно выскочит из-за кустика и начнет его бить, лупасить. А потом, когда тот начнет его молить о пощаде, отпустит. Только ненадолго. Дня через три снова найдет и продолжит. А потом еще, еще. До тех пор пока тот будет бояться выходить на улицу.

Ну этого будет еще мало...

Присвист тут же вывел Геннадия из напряжения, аж виски сдавило. Это его окликнул Мужик.

«Что?» – сделал на лице вопросительную мину Дашков.

Мужик, глядя на него, указал пальцем вперед.

«Что он там увидел?» – Геннадий припал к окуляру прицела.

То место, куда показывал пальцем его напарник Андриенко, скорее всего, находилось где-то на пойме или рядом, догадался Дашков. Расположение предметов, как недавно зафиксировано было в его памяти, давало возможность не задерживаться на обзоре территории. Прошелся по ближней части – пусто, чуть – дальше, то же самое. А вот, углубившись дальше, нашел несколько двигающихся фигур. Это были люди, сидевшие на ишаках или конях.

Остановив на них свое внимание, отметил, что они ехали не на ишаках, а на конях. Вернее, два человека из трех, третий шел впереди них, держа за узду серую лошадь.

Это афганцы. Но на их лицах нет бород вроде, или они светлые, выцветшие от солнца. На голове у каждого светлая чалма. И что интересно – не вооружены. А нет, нет, оружие есть, что-то вроде коротких автоматов, каждый из них висит под плечом и прикрывается рукой, поэтому их сразу и не приметил.

У первого идущего моджахеда одежда светлая, широкие штаны, как и рубаха. И, несмотря на сильную жару, поверх рубахи – жилет, васкатом его называют, и – чалма.

Те ли это люди, которые идут на встречу с командиром их дивизии? Вопрос глупый. Интересно, видит ли наш дозор их? Старлей все должен предусмотреть, мужик умный, в этом Геннадий на раз удостоверивался в разведке.

Свист Мужика отвлек Геннадия. Он посмотрел на него. А тот ему показывает, чтобы смотрел не на трех идущих, а правее. А куда же это смотреть, недалеко от этой троицы «зелень», что-то в виде лесополосы. Ну что ж, посмотрим, и, припав к окуляру, Дашков передвинул ствол винтовки немножко вправо и начал изучать зеленку.

По ее краю небольшой обрывчик, образовавшийся видно, от воды, когда ее сильное течение от расширения русла реки во время паводка бывает здесь очень сильным и выбирает не только песок, а и скальный камень, оголяя и ломая корневища деревьев. И теперь из него торчат палки, как замершие змеи или копья.

А вот и фигурка интересная, как человек. Присмотрелся к краю зелени и вроде не ошибся: тот одет в их форму, шурави. Погоди-ка, так это наши! Точно, точно. Вот где старший лейтенант выставил пост. Умно! И что делать?

– Наш пост там, в зеленке, – громко прошептал Дашков.

– Понял, – откликнулся Мужик, – тогда смотри зеленку со стороны кишлака.

– Понял, – протирая заслезившийся правый глаз, прошептал Генка.

«Только этого еще не хватало!» – возмутился он и тут же почувствовал удары мелкого камушка по открытой коже на руке, и резко обернувшись, глянул вверх.

Ровная стена скалы, достаточно высокая. Слева проем. И прищурился, прикрывая веками глаза от новой порции пыли.

Вскинув винтовку над собою, начал искать неожиданного гостя и, найдя его, не мог поверить своим глазам, это всего лишь ящерица в метре-полутора от него. Наполовину своего тела она спряталась в своей пещерке и, залезая внутрь, задними ногами выбрасывала из нее мелкий камушек. Вот он и сыпался на Геннадия. А причина этому, скорее всего, одна: он лежит на ее норке, вот и пришлось мелкому пресмыкающемуся искать себе новое место жизни.

«Ну, извини меня, дружище, через несколько часов уйду отсюда и вернешься к себе», – извинился перед ящеркой Геннадий.

«Цы, цы, цы!»

– Та ящерка обсыпала меня, – вернувшись в свое положение, прошептал Мужик Генка.

И увидев его кулак, заново припал к окуляру прицела и начал осматривать свою территорию.

И тут же удивился, увидев афганца, стоявшего с переводчиком Маликом Туробовым. Он был одет не как те, в светлые одежды, а темную, в том числе и чалму. Худощавый, с черной бородкой. Старший лейтенант Баталов быстро шел к ним: проспал, по-другому и не скажешь. Что-то сказал ребятам, сидевшим на БМП, те развели руками, тоже, значит, проморгали. В принципе как и он сам.

– Похоже, сам Масуд пришел. – Геннадий громко сказал Мужик. – Собрались у танка.

Андриенко, подняв голову, смотрел на то место, где стоял танк. И через несколько секунд снова сделал сверху круг указательным пальцем: осмотри все вокруг.

«Есть!» – про себя Дашков принял приказ первого номера и припал к окуляру. Судя по тому, что к тройке добавилась фигурка командира разведвзвода и двигаться никуда не собиралась, Геннадий увел прицел в сторону зеленки и стал внимательно изучать ее край.

– Сука! – выругался Андриенко.

– Чего? – не понял Дашков и отвел ствол винтовки левее в поиске той тройцы, за которой наблюдал минуту с небольшим назад.

Нашел их у того края зеленки, окруженных солдатами. Те почему-то оружие с себя не сняли, о чем-то разговаривали. И вдруг один из них, вскочив на лошадь, поскакал в сторону кишлака. Но по нему никто не стрелял. Солдаты в него даже не целились. Значит, здесь их (снайперов) работа не нужна.

Всадник подскочил к танку и спрыгнул с коня. Тот афганец, что разговаривал с командиром взвода и старшим лейтенантом Туробовым, подняв руки, пошел навстречу всаднику. Остановил коня, взяв его за узду, и когда всадник спрыгнул с него на землю, остался на месте, похлопывая животное по шее, успокаивая его.

Всадник, приложив руку к груди, поклонился, передал свой автомат моджахеду, стоявшему у коня, и пошел навстречу Туробову и Баталову.

«Цы, цы, цы!»

Геннадий, посмотрел на Андриенко, крутившему круги указательным пальцем по воздуху, и кивнул ему в ответ, что все понял. И, снова припав к окуляру, начал осматривать всю ближайшую территорию вокруг и через минуту вернулся к зеленке, изучая ее каждый метр.

И снова чуть не вскрикнул от неожиданности, увидев фигурку солдата, идущую от дувала в сторону лесочка или сада.

«Вот дурака кусок, а вдруг там душманы, или мины», – хотелось во все горло крикнуть ему.

Что же делать?

Потерев глаз от набежавшей слезы, снова припал к прицелу, но фигуры идущего солдата не нашел, и, услышав отзвук выстрела, увидел, как в том месте резко образовалась поднятая вверх пыль, а за ней и звук взрыва.

– Вот, дурак! – теперь не сдерживая себя, закричал во все горло Генка и, снова припав к окуляру, начал смотреть, что произойдет дальше. Но никто из солдат к месту взрыва не бежал, и Генка до рези в правом глазу стал искать раненого или убитого солдата.

Вышедший из дыма солдат, удивил его. Он шел назад к дувалу и размахивал в стороны руками, что-то говоря нескольким солдатам, стоявшим на дувале. Среди них был и Спелов.

Андриенко в ответ покачал головой и, посмотрев на Геннадия, показал ему пальцем продолжать наблюдение.

«А зачем?» – спросил у него про себя Дашков.

И Андриенко, поняв это, ткнул ему рукою вниз и влево от себя.

Немножко вылезая вперед, Геннадий глянул в ту сторону, куда ему указывал первый номер. По дороге двигалось несколько боевых машин. Это значит, что к месту встречи в кишлаке выехал из полевого лагеря дивизии ее командир.

Время пошло. Если хоть в чем-то просчитаются, будут большие неприятности. И Геннадий Дашков, вернувшись назад, снова припав к окуляру прицела, стал просматривать свой участок.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.